С. М. ЛУКЬЯНОВЪ.

Юношескій романъ Вл. С. Соловьева въ двойномъ освѣщеніи.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1914.

Пров. 1936
Пр.

Извлечено изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1914 г.

PV
5570
10 но

283
37

Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ—ради краткости будемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи обозначать эти имя, отчество и фамилію одною только буквою С. — родился въ Москвѣ, 16-го января 1853 г. [1]), а скончался неподалеку отъ Москвы, въ с. Узкомъ, 31-го іюля 1900 г. [2]) Срокъ рожденія, почти совпадающій съ началомъ гражданскаго года, позволяетъ очень точно пріурочивать годы жизни С. къ гражданскимъ годамъ.

Въ 1869 г., по окончаніи курса въ 5-ой Московской гимназіи, С. зачислился въ студенты Московскаго университета, по отдѣлу естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета. [3]) Въ это

[1]) *Письма Владиміра Сергѣевича Соловьева;* т. II-ой, С.-Петербургъ, 1909 г.; *Curriculum vitae* (написано по просьбѣ Я. Н. Колубовскаго для 3-го тома перевода Ибервега *Исторіи философіи*), стр. 337.—Ср. также Э. Л. Радлова, *Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и ученіе*; С.-Петербургъ, 1913 г.; стр. 8: „В. С. Соловьевъ... росъ при чрезвычайно благопріятныхъ какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ условіяхъ. Знаменитый историкъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, отецъ философа, былъ человѣкъ весьма разносторонникъ интересовъ: религіозныхъ, научныхъ, политическихъ... Богатую духовную одаренность нашъ философъ могъ по наслѣдству получить не только отъ отца, но и отъ матери, которая происходила изъ старинной и даровитой малорусской семьи, имѣвшей въ числѣ своихъ членовъ украинскаго философа Григорія Саввича Сковороду. В. С. Соловьевъ любилъ указывать на то, что его семья происходила изъ духовнаго сословія. Свое *Оправданіе добра* онъ посвятилъ памяти отца и памяти дѣда, священника Михаила Сергѣевича Соловьева. Вся семья была щедро одарена природою: одинъ изъ братьевъ философа пріобрѣлъ себѣ извѣстность своими историческими романами, одна изъ сестеръ, Поликсена Сергѣевна, проявила выдающійся талантъ поэта.“

[2]) *Смерть В. С. Соловьева (въ качествѣ некролога)*; *Собраніе сочиненій* кн. Сергѣя Николаевича Трубецкого; т. I-ый, Москва, 1907 г.; стр. 344.—„Врачи нашли полнѣйшее истощеніе, упадокъ питанія, сильнѣйшій склерозъ артерій, циррозъ почекъ и урэмію. Ко всему этому примѣшался, повидимому, и какой-то острый процессъ, который послужилъ толчкомъ къ развитію болѣзни.“ *L. c.*, стр. 345.

[3]) *Curriculum vitae* (прим. 1); стр. 337.

время ему шелъ 17-ый годъ. Въ возрастѣ отъ 13 до 14 лѣтъ, по его собственному признанію въ письмѣ на имя С. Д. Лашкиной отъ 18-го августа 1872 г., онъ былъ „un matérialiste zélé“ [4]); но ко времени поступленія въ университетъ это настроеніе было уже пережито, и зачисленіе въ студенты-естественники опредѣлялось, во всякомъ случаѣ, не сочувствіемъ матеріалистическому міровоззрѣнію.

Осенью 1871 г., на 19-омъ году жизни, С. вступилъ въ третій учебный годъ своего студенчества. Въ этомъ-же году начинается его переписка съ Екатериной Владиміровной Романовой, впослѣдствіи Селевиной, его двоюродной сестрой по матери, дѣвицей 15 лѣтъ. Отношенія между молодыми людьми имѣютъ сначала родственно-дружескій характеръ, но вскорѣ пріобрѣтаютъ иную, болѣе яркую окраску, и въ теченіе нѣкотораго времени С. считаетъ себя даже женихомъ Е. В. Трогательная исторія этого сближенія, закончившагося совсѣмъ не такъ, какъ мечтали юный философъ и избранница его сердца, обрисовывается съ достаточною полнотою въ письмахъ С., вошедшихъ въ составъ III-го тома его переписки и напечатанныхъ первоначально въ *Русской Мысли* (маі, 1910 г.). [5]) Въ краткомъ предисловіи къ этой серіи писемъ упоминается, что С. придавалъ имъ значеніе и справлялся, цѣлы-ли они; указывается также, что разрывъ, послѣдовавшій „въ 1875 г.“, не мѣшалъ С. до конца жизни относиться къ своей кузинѣ дружески.

I.

Первое изъ сохранившихся писемъ С. къ Е. В. помѣчено: „Москва, 12-го октября 1871 г.“ [6]) Здѣсь мы читаемъ, между прочимъ: „Пожалуйста, только (возвращаю тебѣ твой совѣтъ) занимайся не слиш-

---

[4]) *Письма Владиміра Сергѣевича Соловьева;* т. I-ый, С.-Петербургъ, 1908 г.; стр. 158. „A l'âge de 13 à 14 ans, quand j'étais un matérialiste zélé, c'était un grand problème pour moi: comment peut-il avoir des gens d'esprit qui soient en même temps chrétiens? et je m'expliquais ce fait étrange en supposant ou de l'hypocrisie, ou bien une espèce de folie particulière propre aux gens d'esprit. C'était assez bête pour un bambin; quand à entendre débiter de pareilles sottises par des gens d'un âge plus vénérable— on peut seulement, selon l'expression orientale, «suspendre ses oreilles au clou de l'étonnement».“

[5]) *Письма Владиміра Сергѣевича Соловьева*; т. III-ій, С.-Петербургъ, 1911 г.; стр. 56—106.—При дальнѣйшихъ ссылкахъ на этотъ томъ мы обозначаемъ его одной римской цифрою: III; послѣдующая арабская цифра обозначаетъ страницу этого тома.

[6]) III, 57.

комъ усидчиво и, ради Бога, не естественными науками: это знаніе само по себѣ совершенно пустое и призрачное. Достойны изученія сами по себѣ только *человѣческая* природа и жизнь, а ихъ всего лучше можно узнать въ истинныхъ поэтическихъ произведеніяхъ..." [7]) Сообразно съ этимъ, С. совѣтуетъ своему „другу Катѣ" читать великихъ поэтовъ, учиться англійскому языку и доучиваться нѣмецкому. [8])

Слѣдующее письмо—отъ 21-го декабря того-же года. [9]) Соболѣзнуя домашнимъ горестямъ „милаго друга Кати", С. пишетъ: „...меня утѣшаетъ твердая увѣренность, что у тебя есть другая, внутренняя жизнь, недоступная ни для какихъ внѣшнихъ мелочей... Можетъ-быть, даже хорошо, что эта внѣшняя жизнь сложилась для тебя такъ неутѣшительно... Радость и наслажденіе въ ней опасны, потому-что призрачны; несчастіе и горе—часто являются единственнымъ спасеніемъ. Уже скоро 2 тысячи лѣтъ, какъ люди это знаютъ, и между-тѣмъ не перестаютъ гоняться за счастіемъ, какъ малыя дѣти. Не будемъ хоть мы съ тобой малыми дѣтьми въ этомъ отношеніи, моя дорогая." Въ этомъ-же письмѣ С. сѣтуетъ на то, что Всеволодъ (повидимому, рѣчь идетъ объ его братѣ) считаетъ „Катю" совсѣмъ за маленькую дѣвочку, и даетъ мудрый совѣтъ: „Прими только за общее правило: никогда не подчиняться книжному авторитету... въ серьезныхъ вопросахъ внутреннее бездоказательное и безсознательное убѣжденіе есть голосъ Божій." Въ припискѣ онъ душевно благодаритъ за карточку и обѣщаетъ прислать свою—„какъ только снимусь".

---

[7]) Набранное курсивомъ подчеркнуто самимъ авторомъ письма. Замѣчаніе это относится и къ другимъ случаямъ примѣненія курсива при воспроизведеніи текста писемъ С. въ настоящемъ очеркѣ.

[8]) Интересъ С. къ вопросамъ художественнаго творчества вообще и къ произведеніямъ поэзіи въ частности засвидѣтельствованъ цѣлымъ рядомъ его трудовъ. Съ этой точки зрѣнія, слова его въ письмѣ отъ 12-го октября 1871 г. пріобрѣтаютъ особое значеніе. „...основа эстетики Соловьева заключается въ его вѣрѣ во всепобѣдную силу красоты, спасающей міръ... Въ эстетикѣ мы имѣемъ наиболѣе постоянный, наименѣе измѣняющійся элементъ философіи Соловьева... Хотя ему и не было дано разработать свою эстетику въ формѣ законченной системы, хотя эстетическія воззрѣнія его изложены въ видѣ небольшихъ отрывочныхъ очерковъ и набросковъ, однако именно здѣсь вдохновеніе этого философа-поэта разбросало самыя дивныя свои жемчужины." Кн. Евгеній Трубецкой, *Міросозерцаніе Вл. С. Соловьева;* Москва, 1913 г.; т. II-ой, стр. 330, 331.

[9]) III, 58.

На 1872 г. приходится девять писемъ. Какъ кажется, нѣкоторыя письма затерялись или не дошли по назначенію, такъ-что общее число ихъ въ дѣйствительности было больше. Письмо отъ 27-го декабря 1872 г. С. снабжаетъ надписаніемъ: „*шестое* письмо въ этомъ мѣсяцѣ“ [10]), а между-тѣмъ въ опубликованной серіи писемъ этому письму предшествуетъ только одно декабрское письмо—отъ 16-го числа.

Просматривая письма за 1872 г., остановимся сначала на письмѣ отъ 27-го января. [11]) С., которому только-что, полторы недѣли тому назадъ, минуло 19 лѣтъ, выражается здѣсь, между прочимъ, такъ: „Если то, что считается дѣйствительной жизнью, есть ложь, то должна быть другая, *истинная* жизнь. Зачатокъ этой истинной жизни есть въ насъ самихъ... Истинная жизнь въ насъ есть, но она подавлена, искажена нашей ограниченною личностью, нашимъ эгоизмомъ. Должно познать эту истинную жизнь, какова она сама въ себѣ, въ своей чистотѣ, и какими средствами можно ея достигнуть. Все это было уже давно открыто человѣчеству *истиннымъ* христіанствомъ, но само христіанство въ своей исторіи испытало вліяніе той ложной жизни, — того зла, которое оно должно было уничтожить; и эта ложь такъ затемнила, такъ закрыла христіанство, что въ настоящее время одинаково трудно понять истину въ христіанствѣ, какъ и дойти до этой истины прямо самому.—Но кто твердо отрекся отъ лжи, тотъ навѣрно дойдетъ и до истины.“ [12])

Мы не имѣемъ передъ собою писемъ Е. В., а потому и не знаемъ, какъ именно относилась она ко всѣмъ внушеніямъ и разсужденіямъ своего кузена. Можно только догадываться, что она не подчинялась имъ слѣпо и, съ своей стороны, возбуждала разные общіе вопросы болѣе или менѣе широкаго значенія. На это намекаютъ нѣкоторыя строки въ письмѣ С. отъ 7-го марта. [13]) „Я не удивляюсь,“ пишетъ С., „что тебя теперь всего болѣе привле-

[10]) III, 72.

[11]) III, 60.

[12]) Противопоставленіе истиннаго христіанства христіанству ложному, т. е. искаженному исторіей, составляетъ одну изъ довольно устойчивыхъ мыслей С., особенно въ годы юные. Тѣмъ примѣчательнѣе, что С. не увлекся въ сторону созданія своего собственнаго новаго христіанства. Можно сказать даже больше: всякая искусственная „модернизація“ христіанства органически претила ему... На этой почвѣ разладъ его съ гр. Л. Н. Толстымъ былъ совершенно неизбѣженъ.

[13]) III, 62.

кают реальныя науки: съ этого и нужно начинать [такъ, кстати сказать, „начинаетъ“ и самъ С.]. [14]) Потомъ ты перейдешь къ другому, потому-что наука не можетъ быть послѣднею цѣлью жизни. Высшая, истинная цѣль жизни другая—нравственная (или религіозная), для которой и наука служитъ однимъ изъ средствъ. Впрочемъ, объ этомъ лучше будетъ поговорить при свиданіи; также и о «подчиненности» женщинъ, о чемъ пришлось бы спорить, а это въ письмахъ неудобно.» [15]) Затѣмъ С. выражаетъ надежду на свиданіе „до Святой“ въ Харьковѣ, откуда онъ предполагаетъ проѣхать „въ Ѳедоровку [16]) дней на 10 подышать немного чистымъ воздухомъ“. Въ припискѣ снова упоминаніе о фотографической карточкѣ: „Завтра пойду сниматься, не успѣлъ до сихъ поръ.“

Въ письмѣ отъ 26-го марта [17]) С. радуется, прежде всего, полученію письма отъ своей „дорогой Кати“—послѣ трехмѣсячнаго молчанія съ ея стороны. Повидимому, дружескія чувства подвергались какому-то испытанію. „Что такое ты пишешь: «кажется, я ни въ чемъ не виновата» и т. д., «грустно было разубѣдиться» и т. д. Не знаю, зачѣмъ ты это пишешь, не знаю, почему ты не хочешь понять самой простой вещи. Во всякомъ случаѣ, если ты еще сомнѣваешься въ постоянствѣ моей дружбы, то я считаю безполезнымъ тебя въ ней увѣрять: не божиться же въ самомъ дѣлѣ!“ Такъ, не безъ раздраженія, откликается С. на долго жданное письмо, но затѣмъ онъ смягчается. „Мнѣ сдается (къ большому моему удовольствію), что твое стремленіе къ «наукѣ» значительно охладѣло. Ma foi! und es ist gut! Я того мнѣнія, что *изучать* пустые призраки внѣшнихъ явленій—еще глупѣе, чѣмъ *жить* пустыми призраками. Но главное дѣло въ томъ, что эта «наука» не

---

[14]) Какъ здѣсь, такъ и далѣе, въ прямыя скобки заключаются пояснительныя слова къ тексту, принадлежащія намъ.

[15]) По всѣмъ вѣроятіямъ, поводомъ къ возбужденію разумѣемаго здѣсь вопроса послужило ознакомленіе Е. В. съ сочиненіемъ Дж. Ст. Милля: *О подчиненности женщинъ* (*The Subjection of women*), пользовавшимся тогда очень широкимъ распространеніемъ въ нашихъ передовыхъ кружкахъ.—Для общей характеристики 70-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія см. Б. Б. Глинскаго, *Революціонный періодъ русской исторіи (1861—1881 гг.)*, чч. 1-ая и 2-ая, С.-Петербургъ, 1913 г., и Иванова-Разумника, *Исторія русской общественной мысли*, тт. I-ый и II-ой, С.-Петербургъ, 1908 г. Бросается въ глаза, что въ юношескихъ письмахъ С. не встрѣчается никакихъ указаній на имена тогдашнихъ „властителей думъ“ изъ области публицистики.

[16]) Какъ кажется,—деревня Херсонской губерніи.

[17]) III, 64.

можетъ достигнуть своей цѣли.“ Въ заключеніе подтверждается надежда на скорое свиданіе—„въ концѣ мая, когда я окончу экзамены и буду совсѣмъ вольной птицей.“ Не взирая на свои нападки на „науку“, въ особенности же на „науки реальныя“, самъ С., по старинѣ, добросовѣстно готовился къ экзаменамъ и безпрепятственно продѣлывалъ все то, что продѣлываютъ и другіе порядочные студенты. Впрочемъ, въ немъ уже назрѣвало рѣшеніе перейти на историко-филологическій факультетъ.

Но вотъ наступилъ, наконецъ, и „веселый мѣсяцъ май“. С. простился съ Москвой и отправился въ Харьковъ. Какъ совершилось путешествіе, какъ произошла встрѣча съ кузиной, о чемъ они бесѣдовали, какіе строились ими планы—обо всемъ этомъ письма С. молчатъ. Сохранился, однако-же, кое-какой слѣдъ о пребываніи С. въ Харьковѣ въ письмѣ его на имя И. О. Лапшина [18])—слѣдъ не столько радостный, сколько печальный. 21-го мая онъ пишетъ изъ Харькова своему корреспонденту: „До Харькова доѣхалъ я благополучно и даже весело, но теперь провожу время въ порядочной тоскѣ... Вчера [т. е. 20-го мая] на меня напало такое уныніе, что я даже чуть не рѣшился возвратиться въ Москву или же ѣхать въ Херсонскую деревню съ моей кузиной; но сегодня благоразуміе одержало верхъ, и я завтра [т. е. 22-го мая] отправляюсь въ Саратовъ, гдѣ надѣюсь найти письмо отъ васъ съ извѣстіемъ изъ міра духовъ.“ Поѣздка въ Саратовъ намѣчалась ради поправленія здоровья, а „міръ духовъ“ является свидѣтельствомъ интереса къ спиритизму. [19]) О причинахъ тоски и унынія С. не распространяется;

---

[18]) *Письма* и т. д. (прим. 4), т. I-ый, стр. 157.—Къ И. О. Лапшину С. относился съ большимъ душевнымъ расположеніемъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, его письма къ А. Н. Аксакову; см. *Письма* и т. д. (прим. 1), т. II-ой, стр. 276—298. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ матери С. выражается такъ: „А бѣдный Лапшинъ совсѣмъ помираетъ. Ужасно мнѣ обрадовался, и я не жалѣю, что пріѣхалъ.“ *L. c.*, стр. 36.

[19]) Здѣсь было бы неумѣстно вдаваться въ подробности относительно взглядовъ С. на спиритизмъ. Достаточно сказать, что въ тѣ годы, о которыхъ идетъ рѣчь, и въ ближайшіе къ нимъ С., безспорно, удѣлялъ немало вниманія медіумическимъ явленіямъ. Такъ, 8-го января 1875 г. онъ писалъ кн. Д. Н. Цертелеву: „Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ важности и даже необходимости спиритическихъ явленій для установленія настоящей метафизики, но пока не намѣренъ высказывать этого открыто, потому-что дѣлу это пользы не принесетъ, а мнѣ доставитъ плохую репутацію; къ тому-же теперь я еще не имѣю никакихъ несомнѣнныхъ доказательствъ достовѣрности этихъ явленій, хотя вѣроятность въ пользу ихъ большая.“

остается также темнымъ, какое „благоразуміе“ имѣетъ онъ въ виду, говоря объ отказѣ отъ совмѣстнаго путешествія съ кузиной въ Херсонскую губернію; ясно только одно—долго жданная личная встрѣча съ кузиной оказалась менѣе отрадной, чѣмъ предполагалось, или даже вовсе безотрадной. Выходитъ какъ-будто такъ, что „веселый мѣсяцъ май“ не оправдалъ на этотъ разъ своей репутаціи.

Въ самый разгаръ лѣта С. опять уже въ Москвѣ. 8-го іюля онъ пишетъ кузинѣ длинное объясненіе относительно образа дѣйствій своей матери, не сочувствовавшей, повидимому, „дружбѣ“ сына съ близкой родственницей. [20]) „Ты пишешь мнѣ, дорогая Катя, что мама *отказалась* быть твоей попечительницей. Объ *отказѣ* я ничего не знаю. Насколько мнѣ извѣстно, мама только писала бабушкѣ, что, по ея мнѣнію, *для тебя гораздо лучше* оставаться въ Харьковѣ... Мама боится только своимъ согласіемъ содѣйствовать исполненію твоихъ вредныхъ *для тебя*, по ея мнѣнію, плановъ; но когда она убѣдится, что и помимо ея согласія ты рѣшилась ихъ исполнить, то она не будетъ имѣть никакой причины для отказа и не откажетъ, могу тебя въ этомъ увѣрить.“ Затѣмъ С. приглашаетъ кузину пріѣхать въ Москву въ половинѣ августа и „остановиться пока у насъ въ Нескучномъ“. Можно бы, по мнѣнію С., ограничиться и назначеніемъ кого-либо номинальнымъ попечителемъ, а потомъ „перемѣнить его на маму“. [21]) Въ заключеніе С. отклоняетъ предложеніе совершить поѣздку на Кавказъ: „весной я долженъ держать экзаменъ на кандидата, т. е. за всѣ четыре курса; поэтому мнѣ время дорого.“ Онъ проситъ не безпокоиться объ его здоровьѣ: „оно будетъ совершенно хорошо, когда я буду спокоенъ, т. е. когда устроится *твое* дѣло.“ „Твое“ подчеркнуто. Почему не „наше“?...

Въ поясненіе словъ о кандидатскомъ экзаменѣ слѣдуетъ прибавить, что въ четвертый годъ своего студенчества С. вознамѣрился

Письма и т. д. (прим. 1), т. II-ой, стр. 225. См., далѣе, Э. Л. Радлова (прим. 1), стр. 47.

[20]) III, 66.

[21]) Насколько можно судить по перепискѣ, отношенія С. къ матери отличались особенной искренностью и довѣрчивостью. Прекрасная серія его писемъ къ матери и отцу, обнимающая 66 №№, показываетъ, съ какой дѣтской нѣжностью обращался онъ къ матери даже въ послѣдніе годы своей жизни. См. *Письма* и т. д. (прим. 1), т. II-ой, стр. 1—67.

выполнить настоящій tour de force: онъ надѣялся въ теченіе 1872—1873 учебнаго года одолѣть весь курсъ историко-филологическаго факультета, съ тѣмъ чтобы весною 1873 г. совсѣмъ покончить съ университетомъ. Такъ оно и случилось. Въ своей краткой автобіографіи С. сообщаетъ про себя: „Въ 1872 г. вышелъ изъ физико-математическаго факультета и поступилъ вольнымъ слушателемъ на историко-филологическій факультетъ (того-же университета). — Въ 1873 г., по выдержаніи экзамена, получилъ степень кандидата историко-филологическихъ наукъ.“ [22]) Едва-ли даже такой талантливый человѣкъ, какъ С., могъ бы справиться съ подобной задачею, если-бы, уже состоя въ числѣ студентовъ физико-математическаго факультета, онъ не удѣлялъ много времени и силъ на ознакомленіе съ предметами, изучаемыми на историко-филологическомъ факультетѣ. [23])

Въ письмѣ отъ 6-го августа [24]) С. освѣдомляется, прежде всего, получено-ли предъидущее письмо его отъ 8-го іюля. Оказывается, что къ этому письму была приложена его „карточка.“ Ужъ не та-ли, про которую онъ писалъ пять мѣсяцевъ тому назадъ? Если такъ, то осуществленіе намѣренія сняться „завтра“ порядочно-таки позатянулось. Затѣмъ С. возвращается къ вопросу о переселеніи „дорогой Кати“ въ Москву: „...если ты пріѣдешь въ Москву, то мама *навѣрно* согласится быть твоей попечительницей, за это я тебѣ ручаюсь. Мама убѣждена, что *для тебя* гораздо лучше оставаться въ Харьковѣ... Она тебя искренно любитъ, и если ея взглядъ на это дѣло не согласенъ съ твоимъ или моимъ, то она въ этомъ не виновата.— Итакъ, пріѣзжай въ Москву. Видитъ Богъ, что я этого желаю *только для тебя*. Ты хочешь сойти съ общей широкой дороги; добрыя попечительницы твои, которыя знаютъ только эту дорогу, увѣрены, что,

---

[22]) *Curriculum vitae* (прим. 1), стр. 337. Ср. также краткую автобіографію, написанную С. въ маѣ 1887 г. для Ф. Б. Геца. *Письма* и т. д. (прим. 1), т. II-ой, стр. 185.

[23]) По словамъ Л. М. Лопатина, С. уже очень рано поражалъ своей чрезвычайною начитанностью. При матеріалистическомъ міросозерцаніи онъ оставался недолго. „Его умъ былъ слишкомъ глубокъ, въ немъ было слишкомъ много критическаго такта, наконецъ, въ его натурѣ просто было слишкомъ много внутренняго идеализма, душевной поэзіи, религіознаго энтузіазма, чтобы онъ могъ навсегда удовлетвориться притязательной и всѣ вопросы рѣшающей догмой матеріалистическаго катехизиса...“ Л. М. Лопатинъ, *Философскія характеристики и рѣчи;* Москва, 1911 г.; рѣчь: *Философское міросозерцаніе В. С. Соловьева*, стр. 120;—стр. 123—126.

[24]) III, 68.

сойдя съ нея, ты заблудишься и погибнешь, но я знаю другую дорогу и знаю, что ты найдешь ее, хотя теперь еще и *не знаешь* ея... Я видѣлъ въ тебѣ божественную искру и знаю, что она погаснуть не можетъ...“ Въ припискѣ С. проситъ повѣрнѣе обозначать на конвертахъ адресъ, а то послѣднее письмо кузины было надписано въ Газетный переулокъ вмѣсто Денежнаго, почему оно и получено было съ опозданіемъ.

Слѣдующее письмо—изъ Москвы-же—отъ 25-го ноября.[25]) Перерывъ болѣе, чѣмъ трехмѣсячный. Впрочемъ, въ началѣ С. заявляетъ, что на послѣднее письмо „дорогой Кати“ *отъ 25-го сентября* онъ отвѣчалъ тотчасъ-же; письмо это либо не дошло по назначенію, либо затерялось, либо намѣренно исключено изъ состава опубликованной серіи. „Затѣмъ я не имѣлъ отъ тебя никакихъ извѣстій, и самъ не писалъ тебѣ, не зная, гдѣ ты. Вчера, наконецъ, получаю твою телеграмму, изъ которой могу заключить, что ты послѣднее время мнѣ писала, и что теперь ты въ Ѳедоровкѣ.“ Переселеніе Е. В. въ Москву разстроилось, но С. все еще продолжаетъ мечтать на эту тему, хотя и безъ особой горячности. Вообще, отъ письма вѣетъ холодкомъ — можетъ-быть, отчасти и вслѣдствіе того, что С. озабочиваютъ теперь новыя занятія по историко-филологическому факультету. Любопытно, однако-же, что объ этихъ занятіяхъ онъ совершенно умалчиваетъ. Въ заключеніе снова рѣчи о здоровьѣ и адресѣ. „Напрасно только тебя, моя дорогая, такъ безпокоитъ это несчастное мое здоровье: даю тебѣ честное слово, что ни въ какомъ случаѣ не умру прежде времени. Вообще же не надобно заботиться о такихъ пустякахъ, которые притомъ не отъ нашей воли зависятъ...[26]) Я боюсь, что ты по разсѣянности адресуешь не такъ: въ Москву, въ *Денежномъ* переулкѣ, домъ *Дворцовой конторы*.“ Заботы

---

[25]) III, 70.

[26]) Характерное для С. замѣчаніе. Дѣйствительно, не легко было бы найти человѣка болѣе беззаботнаго въ отношеніи своего здоровья, и едва-ли онъ не умеръ „прежде времени“. Не безъ основанія писалъ Н. Н. Страховъ гр. Л. Н. Толстому еще 1-го января 1875 г. про С. такъ: „...онъ страшно болѣзненъ, какъ-будто истощенъ—за него можно очень опасаться,—не добромъ кончитъ.“ *Толстовскій музей*, т. II-ой; *Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ* (*1870—1894*); С.-Петербургъ, 1914 г.; стр. 56. Впрочемъ, явное пренебреженіе требованіями гигіены не мѣшало С. зачастую упоминать въ письмахъ къ близкимъ людямъ про свое здоровье, ибо хворалъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко, и порой довольно тяжело, а близкіе люди не могли не интересоваться его недугами. Только въ письмахъ къ кузинѣ С. какъ-бы усиленно отклоняетъ всякіе разговоры о своихъ болѣзняхъ.

о здоровьѣ С. были, конечно, совершенно естественными со стороны Е. В., которая знала про его напряженныя учебныя занятія и сама участвовала въ переживаемыхъ имъ сердечныхъ тревогахъ; да и вообще со стороны любящаго человѣка такія заботы никого удивить не могутъ. А между-тѣмъ С. раздражается и какъ-бы отстраняетъ отъ себя проявленія этой заботливости.

Въ ближайшія три недѣли настроеніе С. не улучшается,—скорѣе, оно ухудшается. Надо, однако, согласиться, что тутъ были поводы въ образѣ дѣйствій самой Е. В., въ ея, по-истинѣ, „дѣвичьей“ разсѣянности. „Вотъ уже пятое письмо пишу я тебѣ, дорогая Катя [пятое, очевидно, въ декабрѣ мѣсяцѣ, какъ объ этомъ будетъ еще сказано ниже],—пишу наугадъ, не зная, дойдетъ-ли. Что за невѣроятная разсѣянность—не написать своего адреса и себя, какъ кажется, мучить, и меня ставить въ невыносимое положеніе. Присылать телеграмму: *получилъ-ли ты мое письмо?* (вопросъ предполагаетъ, что, можетъ-быть, и не получилъ) *отвѣчай на него.* Но если я не получалъ твоего письма, на *что же* я буду отвѣчать и *куда?* Совершенно для меня непостижимо, какимъ образомъ могло дойти ко мнѣ и послѣднее твое письмо, адресованное Богъ знаетъ куда. И опять: пиши сейчасъ-же, а куда—неизвѣстно.—Я уже двадцать разъ требовалъ твоего адреса и отъ бабушки, и отъ Поликсены, и ни отъ кого ни слова. Если еще недѣлю не получу отъ тебя письма съ адресомъ, то я пріѣду въ Е. [Елисаветградъ]. — Живу въ Денежномъ переулкѣ, Денежномъ, Денежномъ, Денежномъ.“ Письмо это отъ 16-го декабря, безъ подписи. [27]) Вся-ли бѣда въ одной „невѣроятной разсѣянности“ кузины, судить мудрено. Молчаніе и „бабушки“, и „Поликсены“ невольно наводитъ на мысль, что родственными и вообще близкими лицами принимались, пожалуй, особливыя мѣры къ затрудненію переписки между молодыми людьми, которые могли и не догадываться объ этомъ.

Прошла еще недѣля—срокъ, назначенный самимъ С. Письма все нѣтъ. Тѣмъ не менѣе Москвы онъ не покидаетъ. Но вотъ долго не дававшійся въ руки адресъ доставленъ.

27-го декабря С. пишетъ: „Наконецъ получилъ я, дорогая Катя, твой адресъ отъ Поликсены и могу писать тебѣ съ надеждой, что письмо дойдетъ. А то я серьезно собирался ѣхать въ Елисаветградъ: въ такое невыносимое положеніе поставило меня твое послѣднее письмо;

---

[27]) III, 71.

вижу изъ него, что тебя сильно безпокоитъ мое невольное молчаніе, и ничего не могу сдѣлать изъ-за этого проклятаго адреса.“ [28]) Далѣе, онъ благодаритъ кузину за то, что она не приписала его молчанія досадѣ по случаю ея непріѣзда въ Москву: „если я и полагалъ, что въ извѣстномъ отношеніи тебѣ всего лучше жить въ Москвѣ, то въ другихъ отношеніяхъ это было бы все-же неудобно, хотя я, впрочемъ, не знаю, на какія собственно причины ты намекаешь.“ Какой колеблющійся тонъ, какая неувѣренность! Безъ сомнѣнія, С. мучился и волновался; безъ сомнѣнія, „дорогая Катя“ была близка его сердцу. Но были-ли эти муки и волненія муками и волненіями дѣйствительной любви? Развѣ не чувствуется за всѣми этими разсужденіями какая-то внутренняя раздвоенность, какое-то подавляемое недоумѣніе? Такое-же впечатлѣніе производятъ и послѣдующія слова письма. „Во всякомъ случаѣ“, пишетъ С., „я очень радъ, что ты поселилась въ Елисаветградѣ, а не въ Харьковѣ. Общество елисаветградское, по всей вѣроятности, ничѣмъ инымъ не занимается, кромѣ дѣлъ и увеселеній житейскихъ, что, по крайней мѣрѣ, совершенно безвредно; тогда-какъ въ Харьковѣ, какъ и въ другихъ университетскихъ провинціальныхъ городахъ, непремѣнно есть классъ пустыхъ головъ, имѣющихъ притязаніе быть мыслящими и безсмысленно повторяющихъ разныя ходячія фразы, что̀ можетъ производить впечатлѣніе на юные умы. Но объ этомъ поговоримъ послѣ. Теперь же я въ дурномъ духѣ.“ Сужденія 19-лѣтняго С. объ опасномъ вліяніи „класса пустыхъ головъ“ на „юные умы“ могутъ показаться, на первый взглядъ, нѣсколько претенціозными; но мы вскорѣ-же убѣдимся, что его самого занимали въ это время мысли, дѣйствительно, важныя и глубокія. Дѣло, однако, не въ этомъ—пока мы отмѣчаемъ только, что хотя онъ и „очень радъ“, все-же онъ „въ дурномъ духѣ.“ Объ этомъ „дурномъ духѣ“ свидѣтельствуетъ и упомянутое уже выше надписаніе на этомъ письмѣ: „*шестое* письмо въ этомъ мѣсяцѣ“,— надписаніе, звучащее укоромъ.

Черезъ четыре дня, въ самый канунъ новаго года, 31-го декабря, С. пишетъ своей „дорогой Катѣ“ снова. [29]) Это одно изъ самыхъ длинныхъ и содержательныхъ писемъ С. къ его кузинѣ, заставляющее забыть и про его юный возрастъ, и про всѣ предыдущія препирательства изъ-за путаницы съ адресами. Мысль С. замѣтно зрѣетъ— хотя и не въ смыслѣ житейской практичности. И невольно наталкиваешься на вопросъ: поспѣвала-ли за нимъ его 16-лѣтняя кузина?...

[28]) III, 72.
[29]) III, 73.

„Меня очень радуетъ“, пишетъ С., „твое серьезное отношеніе къ величайшему (по-моему единственному) вопросу жизни и знанія—вопросу о религіи [30])... ты смѣшиваешь вѣру вообще съ однимъ изъ ея видовъ—съ вѣрой дѣтской, слѣпой, безсознательной, и думаешь, что другой вѣры нѣтъ. Конечно, не много нужно ума, чтобы отвергнуть эту вѣру—я ее отрицалъ въ 13 лѣтъ [31])—конечно, человѣкъ сколько-нибудь разсуждающій уже не можетъ вѣрить такъ, какъ онъ вѣрилъ, будучи ребенкомъ... Съ другой стороны, мы знаемъ, что всѣ великіе мыслители—слава человѣчества—были истинно и глубоко вѣрующими... христіанинъ же сознательный, разумно понимая ученіе христіанства, находитъ въ немъ разрѣшеніе для всѣхъ высшихъ вопросовъ знанія—такое богатство и глубину мысли, передъ которой жалки всѣ измышленія ума человѣческаго...“ Далѣе, С. объясняетъ, „какъ человѣкъ становится сознательнымъ христіаниномъ“. Дѣтская вѣра уступаетъ натиску мысли, начинающей сознавать свои силы. „Сначала со страхомъ, потомъ съ самодовольствомъ одно вѣрованіе за другимъ подвергается сомнѣнію, критикуется полудѣтскимъ разсудкомъ, оказывается нелѣпымъ и отвергается. Что касается до меня лично, то я въ этомъ возрастѣ не только сомнѣвался и отрицалъ свои прежнія вѣрованія, но и ненавидѣлъ ихъ ото всего сердца,—совѣстно вспоминать, какія глупѣйшія кощунства я тогда говорилъ и дѣлалъ.“ Лучшія души на этомъ, само собою разумѣется, не останавливаются: онѣ обращаются къ положительной наукѣ, къ отвлеченной философіи; но живого убѣжденія здѣсь найти нельзя. „И вотъ приходитъ страшное, отчаянное состояніе — мнѣ и теперь вспомнить тяжело—совершенная пустота внутри, тьма, смерть при

---

[30]) Нельзя не подчеркнуть этихъ словъ 19-лѣтняго юноши, оставшагося на всю послѣдующую жизнь вѣрнымъ выраженному здѣсь началу. Справедливо замѣчаетъ кн. С. Н. Трубецкой: „Основная идея Соловьева, проникающая его метафизику, этику, эстетику и самую его публицистику, есть религіозная христіанская идея. То, чѣмъ была для Спинозы его абсолютная субстанція, для Фихте—его абсолютное Я, для Шопенгауэра его міровая воля, тѣмъ было для Соловьева жизненное начало христіанства. Естественно, что философская дѣятельность представлялась ему религіознымъ служеніемъ, и его личное призваніе—религіозной миссіей, «дѣломъ Господнимъ». «Проклятъ всякъ, творяй дѣло Господне съ небреженіемъ»—вотъ угроза, которую онъ вспоминаетъ при исправленіи и отдѣлкѣ своихъ трудовъ, какъ онъ говоритъ это въ предисловіи ко 2-му изданію *Оправданія Добра*.“ Кн. С. Н. Трубецкой, *Основное начало ученія В. Соловьева*; *Собраніе сочиненій* (прим. 2), т. I-ый, стр. 352;—стр. 358.

[31]) Ср. выше, прим. 4-ое.

жизни...“ По счастью, „этотъ мракъ есть начало свѣта; потому-что когда человѣкъ принужденъ сказать: я ничто,—онъ этимъ самымъ говоритъ: Богъ есть все. И тутъ онъ познаетъ Бога—не дѣтское представленіе прежняго времени и не отвлеченное понятіе разсудка, а Бога дѣйствительнаго и живого, Который «недалеко отъ каждаго изъ насъ, ибо мы Имъ живемъ и движемся и существуемъ». Тогда-то всѣ вопросы, которые разумъ ставилъ, но не могъ разрѣшить, находятъ себѣ отвѣтъ въ глубокихъ тайнахъ христіанскаго ученія, и человѣкъ вѣруетъ въ Христа уже не потому только, что въ Немъ получаютъ свое удовлетвореніе всѣ потребности сердца, но и потому, что Имъ разрѣшаются всѣ задачи ума, всѣ требованія знанія.“ Такимъ образомъ, „человѣкъ относительно религіи при правильномъ развитіи проходитъ три возраста: сначала пора дѣтской или слѣпой вѣры, затѣмъ вторая пора—развитіе разсудка и отрицаніе слѣпой вѣры, наконецъ, послѣдняя пора—вѣры сознательной, основанной на развитіи разума. Ты теперь находишься во второмъ возрастѣ; дай Богъ, чтобы дошла до третьяго.“

Здѣсь приведены довольно крупныя выдержки изъ разсужденій С., но разсужденія эти такъ хороши, что хотѣлось бы привести ихъ полностью. Впрочемъ, и по этимъ выдержкамъ можно отчетливо судить о цѣломъ. Замѣтимъ попутно, что лицамъ, достаточно знакомымъ съ сочиненіями С., не можетъ не броситься въ глаза, что уже въ этомъ юношескомъ и интимномъ письмѣ выступаютъ нѣкоторыя типическія черты его манеры изложенія. [32])

Затѣмъ С. переходитъ „къ дѣламъ житейскимъ“,—и тутъ, вмѣсто ясности и отчетливости, насъ встрѣчаютъ снова недоразумѣнія, раздраженіе, сомнительная и даже странная аргументація.

Объ эту пору нѣкій кн. Д. предложилъ Е. В. брачный союзъ. [33]) Предложеніе это было отклонено. Нѣсколько неожиданнымъ образомъ С. выражаетъ и по этому случаю свое неудовольствіе. „Если онъ хо-

---

[32]) Мы имѣемъ въ виду, напр., такой оборотъ: „...когда человѣкъ принужденъ сказать: я ничто,—онъ этимъ самымъ говоритъ: Богъ есть все.“ Ср. выше, въ письмѣ отъ 27-го января 1872 г., аналогичный оборотъ: „Если то, что считается дѣйствительной жизнью, есть ложь, то должна быть другая, *истинная* жизнь.“

[33]) Въ соотвѣтствующемъ письмѣ фамилія соискателя руки и сердца Е. В. напечатана полностью. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ мы воздерживаемся, однако, отъ полнаго раскрытія именъ, такъ-какъ дѣло не въ именахъ, а въ психологическомъ анализѣ отношеній, сложившихся между носителями и носительницами этихъ именъ.

рошій человѣкъ, то при богатствѣ и значеніи ты черезъ него или вмѣстѣ съ нимъ могла бы сдѣлать очень много добраго, чего не можешь сдѣлать одна. Во всякомъ случаѣ причины отказа, которыя ты пишешь, совсѣмъ плохи. «Я его не настолько люблю» etc. Мнѣ очень жаль, если ты вѣришь скверной баснѣ, выдуманной скверными писаками скверныхъ романовъ въ нашъ скверный вѣкъ—баснѣ о какой-то особенной, сверхъестественной любви, долженствующей соединять два сердца для обоюднаго блаженства, безъ чего будто-бы непозволительно и вступать въ законный бракъ, тогда-какъ, напротивъ, настоящій бракъ долженъ быть не средствомъ къ наслажденію или счастью, а подвигомъ и самопожертвованіемъ. А что тебѣ якобы не нравится семейная жизнь,—то развѣ нужно дѣлать только то, что тебѣ нравится или что ты любишь?...—Если у тебя нѣтъ никакихъ другихъ, болѣе уважительныхъ причинъ и если мой совѣтъ для тебя что-нибудь значитъ, то я тебѣ рѣшительно и настоятельно совѣтую: прими предложеніе кн. Д. Если тебѣ этотъ совѣтъ не понравится, то, по крайней мѣрѣ, ты должна признать, что онъ совершенно безпристрастенъ.“ Затѣмъ С. касается вопроса о приличіяхъ, и опять-таки въ довольно неожиданной формѣ. „О приличіяхъ и ихъ нарушеніи ты разсуждаешь довольно странно. Если всѣ они совершенно ничтожны (какъ это несомнѣнно), то зачѣмъ же нарушать ихъ, бороться съ ними какъ-будто съ чѣмъ-то важнымъ, зачѣмъ выказывать свою силу на мелочахъ,—этимъ можетъ выказываться только мелочность и ребячество...“ „Если ты не выйдешь замужъ за Д., что̀ будетъ очень жаль, я, конечно, пріѣду лѣтомъ въ Ѳедоровку, если позволено будетъ; что же касается до Вѣнской выставки, то mercі beaucoup! Когда у насъ этимъ лѣтомъ была политехническая выставка, я на ней ни разу не былъ, а то еще ѣхать въ Вѣну. Я вообще смертельный врагъ этихъ выставокъ, на которыхъ проклятая западная цивилизація любуется сама на себя. [34]) Притомъ, что̀ за фантазія

[34]) Славянофильское настроеніе С. въ молодые его годы нерѣдко противопоставляется его позднѣйшимъ взглядамъ, враждебнымъ славянофильству; говорятъ даже объ „измѣнѣ“, о переходѣ изъ одного лагеря въ другой. Едва-ли, однако, не правы тѣ, которые полагаютъ, что С. не былъ, въ сущности, ни славянофиломъ, ни западникомъ: по всему складу своихъ воззрѣній, онъ является представителемъ той третьей исторической идеологіи, которая постепенно вырабатывается у насъ. Приведемъ здѣсь сужденія Вячеслава Иванова, заслуживающія, какъ намъ думается, серьезнаго вниманія—въ особенности со стороны лицъ, оцѣнивающихъ С. черезчуръ прямолинейно: „...значительнѣе и святѣе всѣхъ его другихъ дѣлъ было то самоопредѣленіе нашей національной души, которое говорило его устами. Упразднитель славянофиль-

ѣхать вдвоемъ въ Вѣну! Если ты желаешь всячески себя компрометировать, то, конечно, не я тебѣ буду въ этомъ помогать. А еще писала мнѣ объ осторожности! Впрочемъ, я надѣюсь, что весь этотъ вздоръ, все это самоувѣренное ребячество пройдетъ въ тебѣ скоро и безвредно." Подпись подъ письмомъ: „Прощай, твой всегда Вл. Соловьевъ."

На другой день, 1-го января 1873 г., С., какъ кажется, одумался. Вѣроятно, въ его душѣ шевельнулось сомнѣніе на-счетъ умѣстности и правомѣрности тѣхъ наставленій, которыми онъ заполнилъ вторую часть своего письма, написаннаго наканунѣ. На этотъ разъ онъ высказывается уже въ нѣсколько иномъ духѣ. „Если въ этомъ письмѣ, дорогая моя, тебя что-нибудь оскорбитъ, то ты проетишь меня, потому-что знаешь, что я люблю тебя даже больше, чѣмъ нужно. Прошу тебя, пиши мнѣ скорѣе, меня очень интересуетъ дѣло съ предложеніемъ, и помимо того ты должна знать, что каждая твоя строчка для меня въ сорокъ тысячъ разъ дороже всей писанной и печатной бумаги въ мірѣ." [35])

Что должна была подумать и почувствовать 16-лѣтняя дѣвушка, получивши такое письмо съ такою припиской? Первая часть письма заинтересовала ее, по всѣмъ вѣроятіямъ, гораздо меньше, чѣмъ вторая часть и чѣмъ эта приписка. А тутъ—совѣтъ принять предложеніе недостаточно любимаго кн. Д. и заявленіе, что С. любитъ ее даже больше, чѣмъ нужно; указаніе на ничтожность приличій и какъ-бы преувеличенная забота о томъ, чтобы „дорогая Катя" не нарушала ихъ; чуть не всѣми буквами прописанная „отставка" и въ то-же время сожалѣніе о томъ, что слова письма могутъ оскорбить. Притомъ, куда дѣвались внушенія, которыя дѣлалъ С. приблизительно годъ тому назадъ, въ письмѣ отъ 21-го декабря 1871 г., когда онъ предлагалъ помнить, что „въ серьезныхъ вопросахъ внутреннее бездоказательное и безсознательное убѣжденіе есть голосъ Божій"?...

ства,—какъ говорятъ о немъ обычно,—онъ только очистилъ старое преданіе вѣрованія нашего въ національное назначеніе наше отъ лжи, лежащей въ уклонахъ націонализма, какъ начала отвлеченнаго, т. е. оторваннаго отъ вселенской Правды. Но вѣру въ народную душу, какъ живую реальность, и въ особенное провиденціальное назначеніе наше онъ сохранилъ, и изъ этого наслѣдія не расточилъ ничего." Вячеславъ Ивановъ, *О значеніи Вл. Соловьева въ судьбахъ нашего религіознаго сознанія; Сборникъ первый* [книгоиздательства „Путь"]. *О Владимірѣ Соловьевѣ*; Москва, 1911 г.; стр. 32;—стр. 44.

[35]) III, 77.

Не извѣстно, что отвѣчала Е. В. своему юному наставнику-другу. Одно только извѣстно: голосъ своего сердца она предпочла совѣтамъ С., и княгиней Д. не стала.

Но сердечная тяжба ея съ С. на этомъ еще не закончилась...

II.

Юношески-глубокомысленный и дѣвственно-цѣломудренный романъ С. съ кузиной, занимающій такое видное мѣсто въ жизни и перепискѣ его за 1872 г., продолжался и въ 1873 г. Едва-ли, однако, уже и теперь, на рубежѣ новаго 1873 г., не ясно, что С. не суждено было сочетаться брачными узами съ Е. В. Нѣтъ, конечно, основаній заподозрѣвать искренность тѣхъ чувствъ, о которыхъ пишетъ С. своей „дорогой Катѣ“; но все-таки складывается такое впечатлѣніе, что онъ только какъ-бы не хочетъ открыто сознаться самому себѣ, что это не то. Впослѣдствіи мы приведемъ еще нѣкоторыя особыя подтвержденія въ пользу такого взгляда на неудавшійся романъ С., почерпнутыя въ его собственныхъ писаніяхъ неэпистолярнаго характера, а теперь обратимся снова къ обозрѣнію переписки.

Весною 1873 г., по выдержаніи соотвѣтствующихъ экзаменовъ, 20-лѣтній С. получилъ степень кандидата историко-филологическихъ наукъ, а осенью онъ поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Московскую духовную академію, гдѣ и пробылъ одинъ учебный годъ. [36]) Ради этого ему пришлось временно переселиться изъ Москвы въ Сергіевъ посадъ.

Почти вся переписка 1873 г., поскольку она намъ извѣстна, относится къ Е. В. Впрочемъ, за первые пять мѣсяцевъ года имѣется прискорбный перерывъ. Можетъ-быть, письма не уцѣлѣли; можетъ-быть, исторія съ сватовствомъ кн. Д. служила помѣхой перепискѣ; возможно и то, что С. было въ это время просто не до писемъ, ибо предстояли прозаическіе экзамены „за всѣ четыре курса“.

6-го іюня С. пишетъ Е. В. изъ Москвы: „Во-первыхъ, гдѣ ты живешь, душа моя? Вѣчное забвеніе собственнаго адреса! Пишу черезъ Вадима, но Вадима можетъ не быть въ Петербургѣ, и тогда мои столь драгоцѣнныя посланія, доставляющія тебѣ «счастье» (ты довольна малымъ, мой другъ), будутъ прочитаны только на почтѣ какимъ-нибудь чиновникомъ, которому они, вѣроятно, не доставятъ особеннаго счастія. Тѣмъ не менѣе пишу на всякій случай, и чтобы

[36]) *Curriculum vitae* (прим. 1), стр. 337. См. также стр. 185.

не говорить лишняго, буду держаться твоего текста.“ [37]) Казалось бы, полученіе письма отъ „дорогой Кати“ послѣ длиннаго перерыва должно было произвести умиротворяющее впечатлѣніе, но выходитъ не такъ. Въ С. опять закипаетъ раздраженіе, и его письмо оказывается переполненнымъ колкостями. Онъ какъ-бы пренебрегаетъ тѣмъ, что его письма доставляютъ бѣдной кузинѣ „счастіе“. Цѣпляясь за отдѣльныя мѣста ея письма, С. „отчитываетъ“ свою корреспондентку такъ: „«Давно я не получала отъ тебя»—недавно только достигнувъ высокой степени кандидата, не имѣлъ времени писать.—«Лѣто провести *гдѣ-нибудь* на югѣ»—*гдѣ-нибудь* значитъ нигдѣ; поэтому объ югѣ я не думаю, а отправляюсь пока въ Смоленскую губернію къ одному своему пріятелю.—«Этотъ климатъ для тебя ядъ»—когда-нибудь, вѣроятно, придется принять маленькую дозу этого яда.“ На просьбу кузины „вывести ее изъ этого состоянія“, С. суховато отвѣчаетъ, что онъ не знаетъ, въ какомъ состояніи она находится, и т. д. Письмо заканчивается указаніемъ, что до начала іюля онъ пробудетъ въ Смоленской губерніи; письма нужно адресовать въ гор. Сычевку, на имя Н. И. Карѣева. [38]) „Если по обыкновенію будешь медлить, то пиши въ Москву, въ Нескучное.“

Отъѣздъ къ Н. И. Карѣеву состоялся вскорѣ послѣ отсылки этого письма. Можно было бы двинуться, пользуясь свободой, и въ другую сторону, по направленію къ Е. В., но туда, очевидно, не тянетъ...

19-го іюня С. пишетъ Е. В. изъ дер. Окосово, имѣнія Н. И. Карѣева. [39]) Начинается письмо въ благодушномъ тонѣ, хотя и съ недомолвкой: „Очень радъ, дорогая Катя, что тебя удивилъ раздра-

[37]) III, 78.

[38]) Н. И. Карѣевъ—одинъ изъ товарищей С. по 5-ой Московской гимназіи. „Эта гимназія“, говоритъ Э. Л. Радловъ, „считалась одною изъ лучшихъ въ Москвѣ, какъ по составу преподавателей, такъ и по воспитательному своему вліянію, поэтому и подборъ учениковъ въ ней былъ особенно хорошимъ. Мы знаемъ, что въ числѣ товарищей Соловьева было много такихъ, которые пріобрѣли себѣ впослѣдствіи на разныхъ поприщахъ дѣятельности почетное имя: назовемъ здѣсь историка Н. И. Карѣева, экономиста А. А. Исаева, зоолога А. А. Коротнева и философа-поэта князя Д. Н. Цертелева,—послѣдній, впрочемъ, былъ однимъ классомъ моложе, что, однако, не помѣшало его дружбѣ съ Соловьевымъ, длившейся до конца его жизни, не смотря на различіе политическихъ убѣжденій... Нѣкоторыя свѣдѣнія о нравственномъ обликѣ всего класса и о Соловьевѣ въ частности можно найти въ недавно вышедшихъ *Воспоминаніяхъ* Е. В. Бѣлявскаго (см. Бѣлявскій, *Педагогическія воспоминанія;* Москва, 1905 г., стр. 57 и слѣд.)...“ Э. Л. Радловъ (прим. 1), стр. 9.

[39]) III, 79.

жительный тонъ моего послѣдняго письма: значитъ, ты не догадываешься о причинѣ этого раздраженія, и слѣдовательно, эта причина неосновательна. Во всякомъ случаѣ, это пустяки, о которыхъ больше не стоитъ говорить.“ „Почему-же, однако, это пустяки и чему тутъ радоваться?“—могла бы спросить „дорогая Катя“. Но С. скользитъ мимо подобныхъ вопросовъ и переходитъ къ совершенно другой темѣ. Онъ обсуждаетъ предположеніе своей кузины основать народную школу, съ тѣмъ чтобы содѣйствовать выведенію народа „изъ ужасной темноты“. Казалось бы, дѣло доброе и простое; но С. эта затѣя не удовлетворяетъ. [40]) „Въ *чемъ* ты полагаешь темноту и гдѣ ты видишь свѣтъ?“ спрашиваетъ онъ. Предложить народу современную литературу мы по совѣсти не можемъ. „Вся мудрость вѣка сего сводится къ очень простому положенію: человѣкъ есть скотъ.—Вотъ тотъ свѣтъ, которымъ мы можемъ просвѣтить нашъ темный народъ! Правда, нравственное состояніе этого народа очень низко, онъ упалъ почти до скота; но пока онъ сохраняетъ великое понятіе о «грѣхѣ», пока онъ знаетъ, что человѣкъ *не долженъ* быть скотомъ, до тѣхъ поръ остается возможность подняться; но когда его убѣдятъ, что онъ по природѣ своей есть скотъ, и слѣдовательно, живя скотски, поступаетъ лишь соотвѣтственно своей природѣ, тогда исчезнетъ всякая возможность возрожденія. Слава Богу, что этого никогда не случится, и что проповѣдники скотства не имѣютъ никакого вліянія на народъ.“ Очевидно, С. аргументируетъ противъ затѣи „дорогой Кати“ не совсѣмъ искреннимъ образомъ: вѣдь нельзя-же серьезно доказывать, что школа, какъ таковая, вообще вредна. Сущность дѣла въ томъ, что его кузина еще „во второмъ возрастѣ“ [41]), не доразвилась еще до сознательнаго христіанства, и это, пожалуй, всего больше портитъ ихъ отношенія, помимо отсутствія непосредственнаго любовнаго влеченія со стороны С. Не удивительно поэтому, что въ томъ-же письмѣ его отъ 19-го іюня встрѣчается и такая тирада: „прежде-чѣмъ думать о просвѣщеніи другихъ, нужно самому обладать свѣтомъ, по крайней мѣрѣ, знать, гдѣ онъ. А знаешь-ли ты это? Въ слѣдующемъ-же письмѣ [С. пишетъ о школѣ на основаніи письма Е. В. отъ 7-го мая] ты спрашиваешь себя: «неужели я останусь въ этой ужасной темнотѣ?»“—Въ припискѣ С. говоритъ, что

[40]) Не забудемъ, что къ этому времени относится усиленная пропаганда народной школы. Въ концѣ 1872 г., въ Петербургѣ, вышла въ свѣтъ *Азбука* гр. Л. Н. Толстого, въ 4 книгахъ...

[41]) Ср. выше, письмо отъ 31-го декабря 1872 г.

въ Петербургѣ онъ будетъ „во второй половинѣ іюня.“ Повидимому, это описка или опечатка—„іюня“ проставлено вмѣсто „іюля“. Но и въ іюлѣ быть въ Петербургѣ С. не удосужился.

Возвращеніе въ Москву изъ смоленской деревни послѣдовало въ началѣ іюля. Здѣсь его ожидало „болѣе недѣли“ письмо отъ Е. В., которая, надо думать, рѣшилась поставить вопросъ ребромъ. Ни „да“, ни „нѣтъ“—въ отношеніи того, что представлялось ей наиболѣе существеннымъ въ исторіи ея сближенія съ С.—перестало, какъ кажется, ее удовлетворять, и едва-ли было бы справедливо упрекать ее за это. Вѣдь и самъ С. признавалъ, что она „довольна малымъ“ [42]). Что же онъ отвѣчаетъ ей?—„Отвѣчаю тебѣ прямо:“ пишетъ онъ 6-го іюля, „я люблю тебя, насколько способенъ любить; но я принадлежу не себѣ, а тому дѣлу, которому буду служить и которое не имѣетъ ничего общаго съ личными чувствами, съ интересами и цѣлями личной жизни. Я не могу отдать тебѣ себя всего, а предложить меньше считаю недостойнымъ.—Вотъ все, что могу тебѣ сказать. Желаю знать твое мнѣніе. Буду ждать письма.“ [43]) Въ припискѣ говорится, что пріѣздъ въ Петербургъ, гдѣ имѣла или въ скорости должна была имѣть пребываніе Е. В., состоится въ началѣ августа: „пробуду довольно долго, такъ-какъ имѣю занятія въ Публичной библіотекѣ.“

Увы! это почти то-же самое, что нѣкогда—около полугода тому назадъ—писала С. сама „дорогая Катя“, признававшаяся, что она „не настолько“ любитъ кн. Д. Не приходило-ли С. въ голову, что—„nur mit ein bischen andern Worten“—она могла бы теперь, въ свою очередь, обратиться къ нему, С., съ наставленіемъ, какъ слѣдуетъ поступать въ случаяхъ, подобныхъ настоящему?

Отвѣтъ С. долженъ былъ раскрыть глаза „дорогой Катѣ“ на существо тѣхъ отношеній, которыя сложились исподволь между нею и носителемъ „высокой степени“ кандидата. Но она, повидимому, не хотѣла согласиться съ тѣмъ, что развязка романа уже наступила. Намъ, смотрящимъ на дѣло со стороны, кажется, что романъ закончился собственно еще годъ тому назадъ, въ Харьковѣ; но герой и героиня романа могли bona fide думать и чувствовать иначе. Какъ бы то ни было, Е. В. не уступаетъ: она снова въ чемъ-то убѣждаетъ или разубѣждаетъ С.,—на этотъ разъ уже безъ обычнаго промедленія и безъ обычной разсѣянности въ отношеніи адреса. С. тоже торопится: всего черезъ пять дней послѣ предыдущаго письма, 11-го

[42]) См. выше, письмо отъ 6-го іюня 1873 г.

[43]) III, 81.

іюля, онъ пишетъ кузинѣ изъ Москвы снова. „Печально, моя дорогая Катя, что даже при одинаковой взаимной любви [такъ-ли?] мы не совсѣмъ понимаемъ другъ друга. Въ этомъ, впрочемъ, виноватъ больше я самъ... Я думаю, ты не можешь сомнѣваться въ моей любви: я даже не умѣлъ хорошо скрывать ее до сихъ поръ; теперь же ты даешь мнѣ возможность говорить открыто: я люблю тебя, какъ только могу любить человѣческое существо, а можетъ-быть, и сильнѣе, сильнѣе, чѣмъ долженъ. Для большинства людей этимъ кончается все дѣло; любовь и то, что за нею должно слѣдовать: семейное счастіе—составляетъ главный интересъ ихъ жизни. Но я имѣю совершенно другую задачу, которая съ каждымъ днемъ становится для меня все яснѣе, опредѣленнѣе и строже. Ея посильному исполненію посвящу я свою жизнь. Поэтому личныя и семейныя отношенія всегда будутъ занимать *второстепенное* мѣсто въ моемъ существованіи. Это-то только я и хотѣлъ сказать, когда написалъ, что не могу отдать тебѣ себя *всего*.“ [44]) Изъ дальнѣйшаго можно усмотрѣть, что кузина готова примириться даже съ такою неполною самоотдачею С., хотя ей, пожалуй, и не вполнѣ понятно, какъ это можно любить больше, чѣмъ должно, и все-таки мало. Но С. и тутъ находитъ возраженія. Продолжая свои разсужденія, онъ выражается такъ: „Но это [т. е. то, что онъ не можетъ отдать себя всего], какъ я заключаю изъ твоего послѣдняго письма, не можетъ измѣнить твоихъ чувствъ ко мнѣ. Съ моей же стороны, хотя та задача, о которой я говорю, такого рода, что не можетъ быть ни съ кѣмъ раздѣлена, но, конечно, участіе любящей женщины должно поддерживать и укрѣплять силы въ тѣхъ тяжелыхъ трудахъ и жизненной борьбѣ, съ которыми необходимо связано разрѣшеніе всякой серьезной задачи.“ Итакъ, что же? Кузина не прочь вѣдь и отъ того, чтобы быть лишь второстепенною участницею въ жизненномъ подвигѣ С. Тѣмъ не менѣе является новый поворотъ мысли, устраняющій ее и отъ такой скромной роли. Да, пишетъ С.,—„эта помощь незамѣнимая, и, конечно, только отъ тебя одной [„тѣмъ лучше“,—думаетъ кузина] могу я ее принять. Но ты знаешь, моя дорогая, что не отъ насъ и не отъ нашей любви зависятъ наши отношенія. Ты знаешь, какія препятствія не допускаютъ нашего соединенія (хотя мнѣ нѣсколько затруднительно писать объ этомъ такъ прямо, но я долженъ прибавить, что разумѣю единственно только то соединеніе, которое освящается закономъ и

[44]) III, 82.

церковью: ни о какихъ другихъ отношеніяхъ между нами не можетъ быть и рѣчи).“ Противъ такого довода возражать, безъ сомнѣнія, мудрено. С. не рѣшается, однако, укрѣпиться на этой позиціи—онъ опять-таки колеблется, онъ опять не знаетъ, чего же добиваться. Какъ ни силенъ приводимый имъ доводъ, онъ самъ ослабляетъ его значеніе. „Устранить эти препятствія очень трудно, но возможно. Во всякомъ случаѣ нужно употребить всѣ средства.“ Въ заключеніе, для выхода изъ тупика, онъ предлагаетъ очень старинный способъ, всего лучше помогающій неопытной юности:—повременить. Къ сожалѣнію, С. и его кузина были тутъ не въ одинаковыхъ условіяхъ, ибо „невѣстамъ“ труднѣе ждать, чѣмъ „женихамъ“. С., впрочемъ, съ этимъ не считается. „Пока я предлагаю слѣдующее: мы подождемъ три года, въ теченіе которыхъ ты будешь заниматься своимъ внутреннимъ воспитаніемъ, а я буду работать надъ заложеніемъ первоначальнаго основанія для будущаго осуществленія моей главной задачи, а также постараюсь достигнуть опредѣленнаго общественнаго положенія, которое бы могъ тебѣ предложить. Если ты согласна, то объ этомъ еще поговоримъ при свиданіи.“

С. не замѣчаетъ, что конецъ письма не соотвѣтствуетъ всему предыдущему. Вѣдь и черезъ три года задача, которой онъ посвящаетъ свою жизнь, останется прежней; вѣдь и черезъ три года личныя и семейныя отношенія будутъ занимать въ его существованіи второстепенное мѣсто; вѣдь разсчитывать на измѣненіе государственныхъ и церковныхъ законовъ черезъ три года нельзя; вѣдь нравственное самовоспитаніе должно продолжаться не три года, а до гробовой доски. Но все-таки надо повременить, надо подождать—авось, дѣло какъ-нибудь „образуется“. Къ чести юнаго философа слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что и тутъ, въ качествѣ заключительнаго аккорда, звучатъ мотивы нравственнаго порядка, хотя и въ досадномъ сосѣдствѣ съ „опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ“. С. не высказываетъ своей мысли съ полною отчетливостью, но сквозь наличныя строки мы читаемъ прежнія слова: „ты находишься еще во второмъ возрастѣ“... а, можетъ-быть, и того проще: „ты мнѣ не мила“.

Наступаетъ конецъ іюля. Отъѣздъ въ Петербургъ все еще не налаживается. 25-го іюля С. пишетъ Е. В. изъ Москвы, между прочимъ, такъ: „Пожалѣй меня, дорогая моя, жизнь моя, Катя; еще четыре мѣсяца долженъ я дожидаться свиданія съ тобою.“ [45]) Наив-

[45]) III, 84.

ный эгоизмъ молодости мѣшаетъ С. обратить, первѣе всего, вниманіе на то, что нужно бы пожалѣть и самое „Катю“, которой приходится ждать ровно столько-же. Но въ чемъ-же опять помѣха? С. ссылается на доводы родныхъ, которые признавали лѣтнюю поѣздку въ Петербургъ, ради занятій въ Публичной библіотекѣ, нецѣлесообразной. Затѣмъ С. продолжаетъ: „Что же? мнѣ оставалось или признаться, что я ѣду въ Петербургъ единственно для того, чтобы видѣть тебя, что мнѣ тамъ, кромѣ моей Кати, никого и ничего не нужно [С. забылъ, что не дальше, какъ двѣ съ половиной или три недѣли тому назадъ [46]) онъ писалъ самой Е. В. о занятіяхъ въ Публичной библіотекѣ, ради которыхъ онъ долженъ пробыть въ Петербургѣ довольно долго],—сказать эту правду прямо было бы глупостью непоправимой;—или же приходилось согласиться съ основательными доводами и принять предложеніе папа ѣхать въ Петербургъ съ нимъ вмѣстѣ 1-го декабря, въ воскресенье, въ 8½ часовъ вечера [какая точность!]. Я согласился и, кажется, поступилъ благоразумно. Но только теперь, когда дѣло уже кончено, чувствую я, до чего невыносимо-тяжело мнѣ это благоразуміе [47])... Знаю, что и тебѣ не весело одной въ скверномъ пустомъ городѣ. Давно бы пріѣхалъ, не смотря ни на что, еслибы можно было это сдѣлать, не компрометируя *тебя-же* [не понятно: развѣ раньше не предполагалось, что С. поѣдетъ въ Петербургъ—въ іюлѣ или августѣ—одинъ, безъ отца?]. Да, кажется, не много розъ придется намъ сорвать на нашей дорогѣ [тоже непонятное замѣчаніе: вѣдь „настоящій бракъ долженъ быть не средствомъ къ наслажденію или счастію, а подвигомъ и самопожертвованіемъ“? [48])].“ Далѣе, слѣдуютъ общія разсужденія о томъ, что нѣкогда „во всей своей славѣ явится царство Божіе—царство внутреннихъ духовныхъ отношеній, чистой любви и радости—новое небо и новая земля...“ Письмо заканчивается очень патетическимъ восклицаніемъ: „Радость моя, дорогая моя, въ эти минуты душевной усталости, слабости и отчаянія только твоя любовь можетъ поддер-

[46]) См. выше, письмо отъ 6-го іюля 1873 г.

[47]) Приблизительно года черезъ четыре, 14-го мая 1877 г., С. пишетъ графинѣ С. А. Толстой, рожденной Бахметевой: „...объявляю заранѣе, что между мною и благоразуміемъ не можетъ быть ничего общаго, такъ-какъ самыя цѣли мои не благоразумны.—Тутъ разсчетъ никакой не поможетъ—«не догадка, не умъ, но безумье въ тотъ край, но удача привесть тебя можетъ!»“ *Письма* и т. д. (прим. 1), т. II-ой, стр. 201. Въ исторіи съ кузиной „благоразуміе“ одерживаетъ, однако, верхъ.

[48]) См. выше, письмо отъ 31-го декабря 1872 г.

живать, ободрять меня: напоминай мнѣ о ней чаще, умоляю тебя, я еще не вѣрю вполнѣ, прости меня.“ Бѣдный С.! бѣдная кузина!

Только-что разсмотрѣнное письмо не могло не вызвать Е. В. на довольно грустныя размышленія, и она немного промедлила съ отвѣтомъ. 1-го августа С. пишетъ ей изъ Москвы снова. Молчаніе кузины онъ объясняетъ себѣ тѣмъ, что она не получила письма его отъ 25-го іюля, и онъ вкратцѣ повторяетъ содержаніе его. Видно, однако-же, что за это время его томили и нѣкоторыя чисто-личныя заботы. „Немножко меня утѣшаетъ то, что планы мои относительно ближайшаго будущаго стали совершенно опредѣленны и, кажется, осуществимы. Знаю, чего хочу и что буду дѣлать.“ [49]) О самыхъ планахъ С., впрочемъ, умалчиваетъ.

На другой день, 2-го августа, онъ опять за письменнымъ столомъ. „Только-что отправилъ жалобу на твое молчаніе, дорогой мой другъ Катя, какъ получилъ твое письмо, обрадовавшее меня безконечно. (Ты, однако, не думай, чтобы я выказывалъ свою радость: при полученіи твоихъ писемъ я изображаю собою олицетворенное равнодушіе. Вообще, я становлюсь гораздо сдержаннѣе, даже начинаю лукавствовать, увѣряю тебя: хочу быть мудръ аки змій и незлобивъ аки голубь.) Что касается нашихъ отношеній, то, хочешь-ли ты или не хочешь, я дамъ и еще даю тебѣ то слово, о которомъ говоришь. Способенъ-ли я обмануть, это окажется въ будущемъ, на дѣлѣ; говорить же объ этомъ нечего.“ [50]) Грустнымъ диссонансомъ звучитъ здѣсь слово: „обмануть“... Съ высоты философскихъ и религіозныхъ созерцаній оно низводитъ насъ въ такія будничныя низины, гдѣ можетъ спокойно копаться развѣ лишь то „большинство людей“, о которомъ говорилъ С. въ письмѣ отъ 11-го іюля. [51]) Но дѣлать нечего: изъ пѣсни слова не выкинешь... Затѣмъ С. пространно отвѣчаетъ на вопросъ Е. В. объ его цѣли и занятіяхъ. И тутъ опять передъ нами С. будущаго, сильный и увлекательный въ своей области, прекрасный стилистъ и носитель, дѣйствительно, глубокихъ замысловъ. Существующій порядокъ вещей, преимущественно же порядокъ общественный и гражданскій, неудовлетворителенъ. „Сознательное убѣжденіе въ томъ, что настоящее состояніе человѣчества *не таково, какимъ быть должно*, значитъ для меня, что *оно должно быть изм-*

[49]) III, 86.
[50]) III, 87.
[51]) См. выше.

нено, преобразовано. [52]) Я не признаю существующаго зла вѣчнымъ, я не вѣрю въ чорта. Сознавая необходимость преобразованія, я тѣмъ самымъ обязываюсь посвятить всю свою жизнь и всѣ свои силы на то, чтобы это преобразованіе было дѣйствительно совершено.“ Преобразованіе должно основываться на внутреннихъ измѣненіяхъ, а это предполагаетъ дѣятельное участіе христіанскихъ началъ. „Предстоитъ задача: ввести вѣчное содержаніе христіанства въ новую соотвѣтствующую ему, т. е. разумную безусловно, форму. Для этого нужно воспользоваться всѣмъ, что выработано за послѣдніе вѣка умомъ человѣческимъ: нужно усвоить себѣ всеобщіе результаты научнаго развитія, нужно изучить всю философію. Это я дѣлаю и еще буду дѣлать. Теперь мнѣ ясно, какъ дважды два четыре, что все великое развитіе западной философіи и науки, повидимому, равнодушное и часто враждебное къ христіанству, въ дѣйствительности только вырабатывало для христіанства новую, достойную его форму. [53]) И когда христіанство дѣйствительно будетъ выражено въ этой новой формѣ, явится въ своемъ истинномъ видѣ, тогда само собой исчезнетъ то, что препятствуетъ ему до сихъ поръ войти во всеобщее сознаніе, именно его мнимое противорѣчіе съ разумомъ... Но до этого практическаго осуществленія христіанства въ жизни пока еще далеко. Теперь нужно еще сильно поработать надъ теоретической стороной, надъ богословскимъ вѣроученіемъ. Это мое настоящее дѣло. Ты, вѣроятно, знаешь, что я этотъ годъ буду жить при духовной академіи для занятій богословіемъ. Вообразили, что я хочу сдѣлаться монахомъ и даже думаю объ архіерействѣ. Нехай—я не разувѣряю. Но ты можешь видѣть, что это вовсе не подходитъ къ моимъ цѣлямъ. Монашество нѣкогда имѣло свое великое назначеніе, но теперь пришло время не бѣгать отъ міра, а идти въ міръ, чтобы преобразовать его.“ Письмо заканчивается выраженіемъ надежды на свиданіе. Кромѣ того,—„позабылъ о портретѣ. Если сохранился негативъ въ фотографіи, то пришлю тотъ, про который говоришь. А то сниму другой.“

За письмомъ отъ 2-го августа помѣщено подъ № 19 письмо безъ

---

[52]) Опять чисто соловьевскій оборотъ.

[53]) Ср. рефератъ С.: *Объ упадкѣ средневѣковаго міросозерцанія; Собраніе сочиненій*, изданіе 1-ое, т. VI-ой, стр. 347. Рефератъ этотъ былъ прочитанъ С. въ засѣданіи Московскаго Психологическаго общества, 19-го октября 1891 г. Вотъ когда, между прочимъ, откликнулись въ публичной дѣятельности С. выраженныя въ этомъ письмѣ мысли.

даты. [54]) Въ концѣ этого письма читаемъ: „Прощай, дорогая моя, до свиданія черезъ 114 дней.“ Такъ-какъ отъѣздъ въ Петербургъ пріурочивался къ 1-му декабря [55]), то можно полагать, что письмо безъ даты писано около 9-го августа. Письмо за № 20 помѣчено 10-ымъ августа [56]); заключаемъ отсюда, что для № 19 мѣсто отведено надлежащее. Въ этомъ-же смыслѣ свидѣтельствуетъ указаніе въ письмѣ за № 19 на то, что отвѣтъ на письмо отъ 1-го августа полученъ 5-го числа, а отвѣта на письмо отъ 2-го августа еще нѣтъ. Очевидно, письмо за № 19 писано между 5-ымъ и 10-ымъ августа.— Въ письмѣ за № 19, между прочимъ, говорится: „Черезъ 2 недѣли переселюсь въ Сергіевскій посадъ, гдѣ буду жить совершенно одинъ.“ Новый адресъ приводится, однако, лишь въ письмѣ отъ 6-го сентября. [57]) Вѣроятно, переселеніе изъ-подъ родительскаго крова было чѣмъ-то задержано. Въ письмѣ за № 19 отмѣтимъ, далѣе, слѣдующія частности: „На зиму имѣю много плановъ и надеждъ. Бо́льшая часть, конечно, не осуществится. Но въ смѣлости и самоувѣренности недостатка не чувствую. Въ окончательномъ успѣхѣ не сомнѣваюсь. Пока буду удивлять добрыхъ людей своимъ юродствомъ. Уже и теперь возбуждаю недоумѣніе: одни меня считаютъ за нигилиста, другіе—за религіознаго фанатика, третьи — просто за сумасшедшаго. Надѣюсь впослѣдствіи и еще болѣе недоумѣній возбудить. [58]) Черезъ 2 мѣсяца начну пахать въ Москвѣ (а черезъ годъ въ Петербургѣ) сначала очень не широкое поле, но съ весьма рыхлой почвой, на которой, правда, до сихъ поръ кромѣ репейника, лопуха да крапивы ничего не росло, но можетъ возрасти и добрый хлѣбъ, если только посѣять, какъ слѣдуетъ.“ Письмо направляется не по почтѣ, а че-

---

[54]) III, 91.

[55]) Ср. выше, письмо отъ 25-го іюля 1873 г.

[56]) III, 93.

[57]) III, 99.

[58]) Въ своей общей характеристикѣ личности С. кн. Евгеній Трубецкой выражается такъ: „Эксцентричность его наружности и манеръ многихъ смущала и отталкивала: о немъ часто приходилось слышать, будто онъ—«позёръ». Изъ людей, его мало знавшихъ, многіе склонны были объяснять въ немъ «позой» все имъ непонятное. И это—тѣмъ болѣе, что все непонятное и особенное въ человѣкѣ обладаетъ свойствомъ оскорблять тѣхъ, кто его не понимаетъ. На самомъ дѣлѣ, однако, тѣ странности, которыя въ немъ поражали, не только не были позой, но представляли собой совершенно естественное, болѣе того,—*наивное* выраженіе внутренняго настроенія человѣка, для котораго здѣшній міръ не былъ ни истиннымъ, ни подлиннымъ.“ Кн. Евгеній Трубецкой (прим. 8), т. I-ый, стр. 4.

резъ „подателя“; С. проситъ, впрочемъ, не вѣрить всему, что сей „податель“ будетъ разсказывать про него—„я не былъ съ нимъ вполнѣ откровененъ, точно такъ-же, какъ ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ тебя одной.“ Въ заключеніе С. сообщаетъ, что онъ слышалъ про Е. В. изъ разныхъ источниковъ „невозможный вздоръ“, и что онъ „не повѣрилъ ничему ни на минуту“...

Слѣдующее письмо—изъ Москвы отъ 10-го августа. [59]) Кузинѣ сдѣлано снова „предложеніе“. По „безсмысленной гадкой ревности“ С. это непріятно. Предложеніе было, впрочемъ, отвергнуто Е. В. и въ этомъ случаѣ. С. освѣдомляется, какъ подѣйствовалъ отказъ на его заочнаго соперника. Затѣмъ идетъ рѣчь о какомъ-то „прелестномъ мальчикѣ“, росказни котораго про С. порядочно его „позабавили“. „Онъ имѣетъ огромное вліяніе на своихъ родныхъ! Онъ вылѣчилъ меня отъ страсти къ В. (что же ты его не спросила, какія онъ средства для этого употреблялъ?)! И какъ ты его вѣрно выставила... До полученія этого письма я собирался высказать ему откровенно по-дружески все, что противъ него имѣю... Но теперь этого не сдѣлаю.“ Послѣ этихъ маленькихъ счетовъ по поводу родственныхъ сплетенъ и житейскихъ дрязгъ, С. касается снова общихъ вопросовъ. „Все, что ты пишешь о моихъ цѣляхъ, совершенно справедливо. Только ты напрасно воображала, что я мечтаю о какомъ-то мгновенномъ возрожденіи человѣчества. Живого плода своихъ будущихъ трудовъ я во всякомъ случаѣ не увижу. Для себя лично ничего хорошаго не предвижу... Я, впрочемъ, объ этомъ очень мало думаю. Рано или поздно успѣхъ несомнѣненъ—этого достаточно.—Мы должны исполнять свою обязанность—вотъ и все, а опредѣлять времена и сроки—не наше дѣло.“ [60])

25-го августа—письмо изъ Москвы. [61]) С. довольно подробно распространяется о двухъ непорядочныхъ „джентльменахъ“, разсказывающихъ другъ про друга „самыя возмутительныя мерзости“. Это безпокоитъ С. постольку, поскольку Е. В. можетъ пострадать отъ

---

[59]) См. прим. 56-ое.

[60]) Л. М. Лопатинъ замѣчаетъ, что беззавѣтная и благородно-наивная убѣжденность въ непремѣнномъ и очень близкомъ торжествѣ абсолютной правды на землѣ составляетъ одну изъ выдающихся особенностей С. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы С. совершенно не считался въ этомъ случаѣ съ неумолимыми требованіями историческаго процесса. Мы видимъ, что даже въ наиболѣе оптимистическую пору своей жизни онъ не декретировалъ безотлагательнаго осуществленія своихъ чаяній.—Л. М. Лопатинъ (прим. 23), стр. 123.

[61]) III, 95.

своей довѣрчивости къ подобнымъ людямъ: „... не довѣряй людямъ вообще, а петербургскимъ джентльменамъ въ особенности. Какъ ни стараюсь во всѣхъ людяхъ видѣть настоящаго человѣка, но долженъ признать печальную [печальную?] и давно извѣстную истину, что въ людяхъ совсѣмъ мало человѣчнаго, а гораздо болѣе преобладаетъ образъ различныхъ звѣрей, какъ-то волка, лисицы, свиньи, гіены, осла и т. п.“ Въ отношеніи одного изъ этихъ двухъ „джентльменовъ“ С. попалъ въ просакъ. „На другой день по его отъѣздѣ“, С. подали письмо, полученное еще наканунѣ. „Вижу твою руку и, не разобравши хорошенько адресъ, распечатываю и читаю начало. Изъ сего начала вижу, что упомянутый джентльменъ (къ которому оказалось адресовано ваше [ваше? не твое?] письмо) вторгается туда, гдѣ его никто не желаетъ. Ты бы очень хорошо сдѣлала, еслибъ разъ навсегда положила должный предѣлъ его порывамъ.“ С. „посредствомъ маленькаго, весьма простого эксперимента“, о которомъ онъ собирается сообщить при свиданіи, убѣдился даже въ томъ, что г. Y. имѣетъ въ отношеніи Е. В. намѣренія, которыя не могутъ быть названы хорошими. „Ты повѣришь мнѣ, жизнь моя, что лишь съ величайшимъ отвращеніемъ, по крайней только необходимости, касаюсь этой грязи; не могу же я быть равнодушнымъ, когда этой грязью *въ тебя* брызгаютъ.“ Трудно рѣшить, что это: голосъ любви, подсказывающій чувство ревности, или голосъ ревности, подогрѣвающій чувство любви? Какъ бы то ни было, въ перепискѣ появляются ревнивыя пререканія, о которыхъ прежде, въ болѣе раннихъ письмахъ, не было и помину.

На другой день, 26-го августа,—опять письмо изъ Москвы. [62]) „«В. разъ мнѣ разсказывалъ, какое ты мнѣніе имѣешь» и т. д.; я уже писалъ тебѣ, дорогая, чтобы ты относительно меня не вѣрила В., потому-что я не былъ съ нимъ искренен: я ему дѣйствительно говорилъ то, что онъ тебѣ передавалъ, но говорилъ нарочно, о чемъ тебя и предупреждалъ. Не знаю, почему тебѣ непріятно, что я живу отшельникомъ, т. е. избѣгаю безсмысленныхъ забавъ и не развратничаю. Вѣроятно, тебѣ что-нибудь наврали. Относительно твоихъ сомнѣній могу только замѣтить, что наша разлука достаточно долга, чтобы «минутное увлеченіе» успѣло пройти; минутныя увлеченія у меня бывали, и я знаю разницу.“ Вотъ еще новый элементъ въ перепискѣ—„минутныя увлеченія“. 20-лѣтній возрастъ и жизнь берутъ

[62]) III, 97.

свое... Далѣе, С. высказывается „о способности женщины понимать высшую истину“. Способность эта имѣется, ибо иначе женщина не была бы человѣкомъ. „Но дѣло въ томъ, что по своей пассивной природѣ она *не можетъ сама найти* эту истину, а должна получить ее отъ мужчины. [63]) Это фактъ: ни одно религіозное или философское ученіе не было основано женщиной, но *уже основанныя* ученія принимались и распространялись преимущественно женщинами. Полагаю, что и при предстоящемъ переворотѣ въ сознаніи человѣчества женщины будутъ играть важную роль. А начнется оттуда, откуда никто не ожидаетъ.“ С. намекаетъ на религіозное броженіе, происходящее въ народѣ (штундизмъ, духовное христіанство и т. п.). „Скоро покажетъ мужикъ свою настоящую силу къ большому конфузу тѣхъ, которые не видятъ въ немъ ничего, кромѣ пьянства и грубаго суевѣрія (въ этомъ мнѣніи прежде и ты, мой другъ, была грѣшна). Приближаются славныя и тяжелыя времена, и хорошо тому, кто можетъ ждать ихъ съ надеждой, а не со страхомъ.“ Въ заключеніе опять забота о свиданіи. „Нельзя-ли намъ будетъ увидѣться раньше декабря, какъ ты думаешь?“ На помощь является—мама. „Мама говорила, что она была бы очень рада, еслибъ ты пріѣхала къ намъ погостить; я, понимаешь ты, буду жить у Троицы“...

Письмо отъ 6-го сентября [64]) все еще изъ Москвы, но здѣсь возвѣщается уже предстоящее „послѣ-завтра“ [т. е., значитъ, 8-го сентября] переселеніе въ Сергіевъ посадъ и выписывается новый адресъ полностью. Писемъ отъ кузины за послѣднія двѣ недѣли не было. „Боюсь, не оскорбилъ-ли тебя грубый тонъ моего послѣдняго письма. Прошу прощенія, не оправдываясь.“ На пріѣздѣ Е. В. въ Москву С. уже не настаиваетъ—„предоставляю вполнѣ на твое усмотрѣніе“. Какъ кажется, С. считаетъ нужнымъ снова бить отбой. „Я эти дни

---

[63]) Ср. статьи С.: *Смыслъ любви; Собраніе сочиненій*, изданіе 1-ое, т. VI-ой, стр. 364—419. Въ одной изъ этихъ статей читаемъ: „Какъ Богъ творитъ вселенную, какъ Христосъ созидаетъ церковь, такъ человѣкъ долженъ творить и созидать свое женское дополненіе... человѣкъ для своего творческаго дѣйствія имѣетъ въ лицѣ женщины матеріалъ, ему самому равный по степени актуализаціи, передъ которымъ онъ пользуется только потенціальнымъ преимуществомъ почина, только правомъ и обязанностью перваго шага на пути къ совершенству, а не дѣйствительнымъ совершенствомъ... человѣкъ (мужъ) есть творческое, зиждительное начало относительно своего женскаго дополненія не самъ по себѣ, а какъ посредникъ или проводникъ Божественной силы.“ *L. c.*, стр. 401.

[64]) См. прим. 57-ое.

почему-то страдаю нервнымъ разстройствомъ и потому, чтобы не наговорить какой-нибудь нервической чуши, прекращаю писать."

Черезъ полторы недѣли, 15-го сентября, С. пишетъ изъ Сергіева посада чрезвычайно радостное письмо, въ отвѣтъ на письмо Е. В., только-что имъ полученное. Онъ окруженъ нѣмецкими философами и греческими богословами, и „они еще никогда не видѣли меня въ такомъ неприличномъ восторгѣ, и одинъ толстый отецъ церкви даже свалился со стола отъ негодованія." [65]) Причина радости простая: „я вѣдь уже былъ вполнѣ увѣренъ, что между нами все кончено, и только не могъ придумать, отъ чего и какъ это случилось. Пишу тебѣ это для того, чтобы ты знала, съ кѣмъ имѣешь дѣло." Нѣтъ причины не довѣрять ни этой радости, ни этому непониманію. Въ данное время С. испытывалъ, безъ сомнѣнія, все то, о чемъ онъ извѣщаетъ свою „дорогую Катю". Но не будемъ торопиться съ выраженіемъ увѣренности, что пора тревогъ и сомнѣній миновала окончательно, и что отнынѣ все пойдетъ гладко и благополучно.—С. собирается сейчасъ-же ѣхать „на одинъ день" въ Москву ради какого-то „довольно важнаго дѣла"; онъ сообщитъ о немъ впослѣдствіи, „если оно удастся".

Сколько времени пробылъ С. въ Москвѣ, въ точности не извѣстно. Сроками онъ вообще не любилъ стѣсняться, а въ эту сравнительно свободную пору своей жизни тѣмъ болѣе. 23-го сентября онъ оказывается, во всякомъ случаѣ, въ Москвѣ, откуда и пишетъ снова своей кузинѣ. [66]) Слѣдовъ недавняго радостнаго настроенія что-то не замѣтно. „Не быть мнительнымъ и ревнивымъ я не могу: это болѣзнь характера и, слѣдовательно, неизлечимая. Но, конечно, ее можно скрывать." Затѣмъ высказывается сызнова предположеніе ускорить свиданіе; возможно, что С. пріѣдетъ въ Петербургъ въ началѣ ноября, „около десятыхъ чиселъ". Прежнія соображенія въ пользу пріѣзда вмѣстѣ съ отцомъ при этомъ даже не вспоминаются... Одобривъ намѣреніе Е. В. заниматься музыкой и держать „на всякій случай" экзаменъ, С. находитъ „забавнымъ", что она будетъ заниматься исторіей съ однимъ изъ упомянутыхъ выше непорядочныхъ „джентльменовъ". „У меня къ нему (и странно—къ нему одному)", чистосер-

---

[65]) III, 100.—Шутка на счетъ „толстаго отца церкви" напоминаетъ разныя другія шутки С., касающіяся той области, которая была всегда близка его сердцу. Благочестіе С., свободное отъ всякой слащавости и ханжества, нисколько такими невинными проблесками его юмора, конечно, не компрометируется.

[66]) III, 101.

дечно признается С., „очень нехорошее чувство. Впрочемъ, надѣюсь это современемъ пересилить...“ Въ припискѣ онъ справляется, полученъ-ли его портретъ и карточки. Потомъ онъ продолжаетъ: „Очень благодаренъ тебѣ за карточку: она вышла отлично, только зачѣмъ ты смотришь такъ сердито, милая моя!—Если я преодолѣю свою лѣнь, то снимусь [еще разъ?] и пришлю тебѣ свое изображеніе; пришлю, можетъ-быть, и еще нѣчто—«маленькое начало моего начала», по выраженію моего брата Всеволода.“ Не разумѣется-ли здѣсь статья: *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ*, напечатанная въ *Православномъ Обозрѣніи* въ томъ-же 1873 г.? [67]) Статья эта, должно-быть, готовилась или печаталась какъ разъ въ то время, ибо она появилась въ ноябрской книжкѣ журнала. [68]) Какое „довольно важное дѣло“ занимало С. въ Москвѣ, мы такъ и не узнаемъ. Можетъ-быть, и тутъ позволительно сослаться на только-что названную статью, на хлопоты о принятіи ея въ тотъ или другой журналъ. [69])

8-го октября—письмо изъ Сергіева посада. [70]) Вспоминая „о своей инстинктивной антипатіи къ провалившемуся джентльмену“, С. предлагаетъ „всю эту дрянь предать забвенію“. По всѣмъ вѣроятіямъ, изъ предположенныхъ занятій Е. В. исторіей толку не вышло. Коротенькое письмо заканчивается словами, проникнутыми необычной для С. тѣлесной страстностью: „придетъ-ли, наконецъ, время, когда обниму тебя въ дѣйствительности, радость моя, мученіе мое!“ А раньше говорится: „Сегодня я только къ утру немного задремалъ и видѣлъ

---

[67]) *Собраніе сочиненій*, изданіе 1-ое, т. I-ый, стр. 1.

[68]) *L. c.*, стр. 635.—Достойно вниманія примѣчаніе редакціи, которымъ сопровождается названная статья въ журналѣ. Въ концѣ этого примѣчанія мы находимъ такія строки: „Въ настоящемъ случаѣ мы предлагаемъ вниманію читателей *Православнаго Обозрѣнія* опытъ молодого ученаго, посвященный разъясненію того смысла, какой имѣла миоологія въ древнемъ язычествѣ, какъ въ ея происхожденіи, такъ и послѣдовательномъ развитіи. Мы печатаемъ статью г. Соловьева тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что—насколько намъ самимъ пришлось ознакомиться съ предметомъ, котораго касается изслѣдованіе,—мы можемъ сказать, что основныя воззрѣнія статьи даютъ самостоятельную постановку дѣлу, вѣрную требованіямъ научнымъ и не безъинтересную въ смыслѣ богословскомъ.“

[69]) Въ 1873 г. *Православное Обозрѣніе* издавалось подъ редакціей священника Г. Смирнова-Платонова, при участіи священника А. Иванцова-Платонова и П. Преображенскаго. Редакція журнала имѣла пребываніе въ Москвѣ (Остоженка, приходъ Новаго Воскресенія, домъ священника Смирнова-Платонова). Печатался журналъ въ Москвѣ-же, въ университетской типографіи (Катковъ и К°), на Страстномъ бульварѣ.

[70]) III, 103.

тебя почти какъ наяву.“ Характерное для С. визіонерство [71]), но и оно, какъ мы сейчасъ убѣдимся, ничему не помогло.

Слѣдуетъ небольшая записка отъ 25-го октября, и опять-таки изъ Сергіева посада. Тонъ раздраженный, даже враждебный. „Почему ты, мой другъ, вообразила, что я измѣнилъ свое намѣреніе? Пріѣду, какъ обѣщалъ, въ десятыхъ числахъ ноября (а именно располагаю выѣхать 11-го). Во всякомъ случаѣ «причинять зло» ни себѣ самой, ни кому другому нѣтъ ни малѣйшаго основанія.—Эти двѣ недѣли, если ужъ тебѣ такъ не хочется, можешь совсѣмъ не писать: сочтемся при свиданіи.“ [72])

Точно датированная переписка обрывается на этихъ строкахъ. Неизвѣстно, попалъ-ли С. въ Петербургъ въ десятыхъ числахъ ноября, или не попалъ. Въ серіи писемъ на имя Е. В. имѣется, однако, еще одно письмо подъ № 28 [73]), безъ даты, относящееся, безспорно, къ концу 1873 г., ибо здѣсь прямо говорится: „пишу *Исторію религіознаго сознанія въ древнемъ язычествѣ* (начало уже печатается въ журналѣ).“ Подъ этимъ заглавіемъ легко узнать упомянутую выше статью: *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ*. Въ началѣ письма читаемъ: „Дорогая моя, радость моя Катя, всю эту ночь хочу посвятить бесѣдѣ съ тобою; завтра рано мнѣ нужно ѣхать на желѣзную дорогу, и чтобы не проспать, лучше совсѣмъ не ложиться.“ Куда нужно ѣхать и по какому случаю,—сказать трудно. Едва-ли тутъ подразумѣвается отъѣздъ въ Петербургъ, куда С. могъ бы прибыть одновременно съ письмомъ. Кромѣ того, дальнѣйшее содержаніе письма посвящено изображенію того впечатлѣнія, которое произведено пріѣздомъ С. въ Сергіевъ посадъ, общей характеристикѣ духовной академіи, перечисленію занятій, видамъ на будущее. Возможно, что письмо за № 28 относится къ порѣ нѣсколько болѣе ранней, чѣмъ концъ октября. „Профессора здѣшніе воображаютъ, что я пріѣхалъ съ исключительною цѣлью смутить ихъ покой своею критикою... они... никакъ не могутъ повѣрить, чтобы постороннему человѣку, дворянину и кандидату университета, могла прійти фантазія заниматься богословскими науками; и дѣйствительно, это первый примѣръ... академія, во всякомъ случаѣ, не представляетъ такой абсолютной пустоты, какъ университетъ.“ [74]) Что касается занятій, то С. указы-

[71]) Ср. кн. Евгенія Трубецкого (прим. 8), т. I-ый, стр. 18 и слѣд.

[72]) III, 104.

[73]) III, 105.

[74]) Отзывъ С. и про университетъ, и про академію представляется, безъ сомнѣнія

васть, прежде всего, на уже названную статью, а затѣмъ на подготовляемую имъ магистерскую диссертацію о современномъ кризисѣ западной философіи [75]); наконецъ, онъ читаетъ греческихъ и латинскихъ богослововъ древней церкви. Достойны вниманія заключительныя слова письма: „Все это только начальныя, подготовительныя занятія, настоящее дѣло впереди. Безъ этого дѣла, безъ этой великой задачи мнѣ незачѣмъ было бы и жить, безъ него я бы не смѣлъ и любить тебя. Я не имѣлъ бы никакого права на тебя, еслибъ не былъ вполнѣ увѣренъ, что могу дать тебѣ то, чего другіе дать не могутъ. Ты видѣла и всегда можешь видѣть у ногъ своихъ множество людей, которые имѣютъ надо мною всѣ внѣшнія преимущества. Пока, въ настоящемъ я ничто...“ За этими словами слѣдуетъ еще девять строкъ, но онѣ зачеркнуты. „Въ зачеркнутыхъ строкахъ я написалъ то, чего писать не годится. Лучше не продолжать.—Прощай. Твой Вл. Соловьевъ.“

Вотъ и все, вотъ и весь романъ. „Маленькое начало моего начала“ [76]) совпало съ окончаніемъ переписки, и отъ всего дружески-любовнаго пласта осталось лишь нѣсколько листковъ почтовой бумаги, тщательно хранимыхъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ не разлюбившей своего прошлаго героиней романа. Впрочемъ, осталось и еще кое-что — въ душѣ героя романа. Но объ этомъ поговоримъ въ особой главѣ.

III.

Припомнимъ, что 11-го іюля 1873 г. С. предлагалъ подождать „три года“, а 2-го августа онъ-же не безъ самоувѣренности заявлялъ: „способенъ-ли я обмануть, это окажется въ будущемъ, на дѣлѣ.“

чрезмѣрно суровымъ. Любопытныя подробности о тогдашнемъ профессорскомъ составѣ академіи и академическомъ бытѣ содержатся въ очень живо написанныхъ воспоминаніяхъ архіепископа Варшавскаго и Привислинскаго Николая (въ мірѣ М. З. Зіорова): *Мои воспоминанія о Московской Духовной Академіи (къ столѣтнему юбилею)*; Варшава, 1914 г. (печат. на правахъ рукописи). Авторъ воспоминаній говоритъ, между прочимъ, что С. слушалъ лекціи А. В. Горскаго, В. Д. Кудрявцева и В. Н. Потапова; далѣе, онъ замѣчаетъ: „помню его фигуру,—худощавую, всегда серьезную, задумчивую. Дружилъ Соловьевъ только со студентомъ Александромъ Хитровымъ“. *L. c.*, стр. 15.

[75]) Магистерская диссертація С.: *Кризисъ западной философіи [противъ позитивистовъ]* печаталась первоначально отдѣльными статьями (съ подзаголовкомъ: *По поводу философіи безсознательнаго Гартмана*) тоже въ *Православномъ Обозрѣніи*,—1874 г., январь, стр. 28; мартъ, стр. 277; май, стр. 529; сентябрь, стр. 319; октябрь, стр. 424.

[76]) Ср. выше, письмо отъ 23-го сентября 1873 г.

Само собою разумѣется, обманывать онъ не былъ способенъ, но обманываться за свой собственный и за чужой счетъ свойственно не только „большинству людей“ [77]), но и всѣмъ и каждому. Во всякомъ случаѣ, фактъ на-лицо: развязка романа послѣдовала задолго до наступленія условленнаго срока. Въ предисловіи къ письмамъ на имя Е. В. Романовой, впослѣдствіи Селевиной, указывается, что „въ 1875 г. Е. В. отказалась отъ мысли о бракѣ съ С., о чемъ ему и сообщила.“ [78]) Но если развязку отсрочить и до 1875 г., все-таки полнаго трехлѣтія не получится...

И вотъ потянулись годы, въ теченіе которыхъ С., чуждаясь, попрежнему, брачной жизни, неустанно трудился надъ своей великой задачей. Въ его сердцѣ жила, однако-же, память объ его юношескомъ романѣ, и ровно черезъ двадцать лѣтъ послѣ его поѣздки въ Харьковъ къ „дорогой Катѣ“ появляется въ майской книжкѣ *Русской Мысли* за 1892 г. его разсказъ подъ заглавіемъ: *На зарѣ туманной юности*... Разсказъ этотъ воспроизведенъ въ III-емъ томѣ его писемъ [79]), въ томъ самомъ томѣ, гдѣ отпечатаны вновь и его письма къ Е. В. Сосѣдство, смѣемъ думать, столько-же случайное, сколько и неслучайное.

Разсказъ ведется отъ лица героя. Слѣдя за подробностями повѣствованія, мы безъ всякихъ особыхъ ухищреній узнаемъ въ этомъ героѣ самого С. Произведеній въ собственно беллетристическомъ родѣ— въ формѣ разсказовъ, повѣстей или романовъ — у С., насколько извѣстно, нѣтъ,—за исключеніемъ именно этого очерка. Тѣмъ интереснѣе, что фабула его заимствуется, почти несомнѣнно, изъ личныхъ переживаній автора.

„Мнѣ было тогда 19 лѣтъ,“ разсказываетъ С., „это было въ концѣ мая, я только-что перешелъ на послѣдній курсъ университета и ѣхалъ изъ Москвы въ Харьковъ, гдѣ долженъ былъ имѣть чрезвычайно важное объясненіе съ одной своей кузиной, къ которой я уже давно, мѣсяца три или четыре, питалъ нѣжную и весьма возвышенную любовь. Ради нея я рѣшилъ сдѣлать большой крюкъ, такъ-какъ настоящая цѣль моего путешествія находилась въ киргизскихъ степяхъ, гдѣ я намѣревался возстановлять кумысным леченіемъ свой организмъ, сильно разстроенный отъ неумѣреннаго употребленія нѣмецкихъ книгъ.“ Уже это начало переноситъ насъ сразу въ извѣст-

[77]) Ср. выше, письмо отъ 11-го іюля 1873 г.

[78]) III, 56.

[79]) Стр. 283—298.

ную намъ по письмамъ обстановку 1872 г., и сразу-же начинаемъ мы чувствовать, что къ романическимъ грезамъ своей юности С. относится не столько съ радостнымъ умиленіемъ, сколько съ пренебрежительной, хотя и благодушной, ироніей. Но будемъ читать дальше.

Въ вагонѣ второго класса разсказчикъ оказывается въ обществѣ молодой бѣлокурой дамы въ свѣтло-сѣромъ дорожномъ платьѣ, ѣдущей въ Крымъ. „Лицо у нея было далеко не красиво, съ неправильнымъ носомъ и широкимъ ртомъ. Но когда она ласково взглядывала своими свѣтлыми глазами, это некрасивое и простое лицо становилось чрезвычайно привлекательнымъ... Эти глаза привлекли и заинтересовали меня съ перваго взгляда. Замѣтилъ я также ея густые пепельные волосы.“ Разсказчикъ невольно сталъ сравнивать ее съ „своей Ольгой“, ожидающей его въ Харьковѣ, и рѣшилъ, что Ольга гораздо лучше—т. е. красивѣе?—этой незнакомки. Затѣмъ онъ сообщаетъ, что онъ собирался сказать въ Харьковѣ избранницѣ своего сердца. Смыслъ предстоящаго объясненія сводится къ тому, что Ольга не найдетъ съ нимъ „такъ называемаго семейнаго счастія, выдуманнаго тупоумными филистерами“, и что „я могу обѣщать тебѣ только тяжелую борьбу и страданіе вдвоемъ.“ [80]) „Вообще“, продолжаетъ герой разсказа, „ученіе о совершенной негодности всего существующаго составляло главную тему моихъ разговоровъ съ кузинами, которыхъ у меня было нѣсколько и въ которыхъ я поочередно влюблялся. Зло и ничтожество жизни были, конечно, извѣстны мнѣ отчасти и изъ собственнаго опыта. Я по опыту зналъ, что поцѣлуи кузинъ недолговѣчны, и что лишній стаканъ вина причиняетъ головную боль. Но если жизненный мой опытъ и не былъ еще достаточно богатъ, зато я очень много читалъ [81]) и еще больше думалъ, и вотъ

---

[80]) Ср. выше, письма отъ 31-го декабря 1872 г., 11-го іюля 1873 г. и 25-го іюля того-же года.

[81]) Ср. прим. 23-е. — Про усердное чтеніе С. разсказываетъ также кн. С. Н. Трубецкой: „Едва-ли кто перечиталъ такое множество книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія, какъ Владиміръ Сергѣевичъ. Онъ читалъ все, вездѣ и во всякое время дня и ночи, читалъ въ вагонѣ, въ гостяхъ, читалъ больной и усталый, когда былъ не въ силахъ писать. И во всякой книгѣ онъ находилъ пищу для своего ума, въ худшемъ случаѣ — для своего остроумія...“ Кн. С. Н. Трубецкой (прим. 30), т. I-ый, стр. 355. Конечно, нѣтъ нужды дѣлать оговорку, что при всемъ томъ безпорядочнымъ „пожирателемъ книгъ“ С. не былъ. Въ письмахъ къ Н. Н. Страхову С., между прочимъ, называетъ книги Н. Н. Страхова его „домашними идолами“ и высказывается въ томъ смыслѣ, что въ „многокнижіи“ — „нѣсть спасенія“. *Письма* и т. д. (прим. 4), т. I-ый, стр. 38 и 7.

годамъ къ восемнадцати я додумался до твердаго убѣжденія, что вся временная жизнь, какъ состоящая единственно только изъ золъ и страданій, должна быть поскорѣе разрушена совершенно и окончательно. Едва успѣлъ я дойти до этого собственнымъ умомъ, какъ мнѣ пришлось убѣдиться, что не я одинъ былъ такого мнѣнія, но что оно весьма обстоятельно развивалось нѣкоторыми знаменитыми нѣмецкими философами. Впрочемъ, я былъ тогда отчасти славянофиломъ [82]) и потому хотя допускалъ, что нѣмцы могутъ упразднить вселенную въ теоріи, но практическое исполненіе этой задачи возлагалъ исключительно на русскій народъ, причемъ въ душѣ я не сомнѣвался, что первый сигналъ къ разрушенію будетъ данъ мною самимъ."

Переносясь воспоминаніями въ прошлое, С. рисуетъ вслѣдъ затѣмъ прелестную сценку изъ отношеній героя разсказа къ кузинѣ Лизѣ—„голубоглазой, но пылкой". За годъ до поѣздки въ Харьковъ, она „удостоилась въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ быть посвященной" имъ „въ тайны *трансцендентальнаго идеализма*", составлявшаго самую мудреную часть того ученія, которое онъ проповѣдывалъ своимъ счастливымъ кузинамъ. Гуляя съ нею по запущенному деревенскому парку, кузенъ старался объяснить Лизѣ, что весь міръ, существующій въ формахъ пространства, времени и причинности, есть только наше представленіе, т. е. „что его, въ сущности, нѣтъ совсѣмъ".—„А какъ-же вчера ты все говорилъ о страшномъ судѣ?"—съ явнымъ лукавствомъ спросила Лиза.—„О какомъ страшномъ судѣ?"—„Ну, все равно, о томъ, что нужно все уничтожить. Если по-твоему міра нѣтъ совсѣмъ, то почему-же тебѣ такъ хочется его разрушить?" — Философа смутило это противорѣчіе, но только на мгновеніе. — „А развѣ, когда тебя давитъ страшный сонъ или кошмаръ, тебѣ не хочется отъ него освободиться?"—отвѣчалъ онъ побѣдоносно.— Ссылка на сонъ напоминаетъ Лизѣ про одно забавное собственное ея сновидѣніе, и она тутъ-же дѣлится съ кузеномъ своимъ личнымъ опытомъ. — Свое „неожиданное сообщеніе она завершила столь-же неожиданнымъ поцѣлуемъ и вдругъ убѣжала, крича мнѣ издали: — «Пойдемъ на грядки клубнику собирать, я видѣла, ужъ много поспѣло.» — И я пошелъ собирать клубнику, хотя категорическій императивъ, который простолюдины называютъ совѣстью, довольно ясно намекалъ мнѣ, что это было съ моей стороны

[82]) Ср. выше, письмо отъ 31-го декабря 1872 г. и прим. 34-ое.

не самоотрицаніемъ, а совершенно наоборотъ — самоутвержденіемъ воли... И когда теперь, сидя въ вагонѣ, я вспомнилъ почему-то этотъ маленькій эпизодъ, смутное предчувствіе будущихъ грѣхопаденій шевельнулось въ моей душѣ."

Подъ вечеръ въ вагонъ ввалилась группа странствующихъ французскихъ акробатовъ, бывшихъ на-веселѣ и начавшихъ вести себя очень непринужденно. Молодая бѣлокурая дама пересѣла поближе къ герою разсказа, чтобы спрятаться за нимъ отъ этихъ ужасныхъ господъ и госпожъ. Конечно, завязывается разговоръ, очень простодушный и въ то-же время задорный со стороны собесѣдницы и наивно-претенціозный со стороны собесѣдника.

„Оказалось, что мужа ея я зналъ по имени. У нихъ были маленькія дѣти.—«Ахъ! какъ это трудно воспитывать дѣтей, когда сама не имѣешь совсѣмъ никакого воспитанія. Я долго объ этомъ думала и рѣшила оставить ихъ на произволъ судьбы,— пусть себѣ растутъ и воспитываются, какъ знаютъ, а я, по крайней мѣрѣ, ничего не испорчу.»" Герой разсказа, „съ важнымъ менторскимъ видомъ, подобающимъ 19-лѣтнему философу", старается вразумить свою собесѣдницу, рекомендуетъ ей заняться своимъ собственнымъ воспитаніемъ [83]); но она неуязвима.—„Ахъ, что вы! Я такая лѣнивая. У меня совсѣмъ нѣтъ никакого характера, ни капельки характера! И потомъ, гдѣ искать образованія? Одни совѣтуетъ одно, другіе—другое. Нѣтъ, ужъ я лучше останусь такъ!" — Въ свою очередь, она и „философу" совѣтуетъ не стремиться къ учености,—это „такъ-же ненатурально и только гораздо скучнѣе", чѣмъ быть акробатомъ, да и здоровью вредитъ; лучше пріѣзжайте къ намъ въ Крымъ.—„«Вамъ необходимы морскія купанья, это укрѣпляетъ... А какъ тамъ весело! Большое общество, никто ничего не дѣлаетъ, и всѣ довольны. А воздухъ тамъ совсѣмъ какой-то особенный. Я четвертое лѣто тамъ провожу и каждый разъ влюбляюсь... Вообразите, и въ меня тоже влюбляются»,—прибавила она, искренно удивляясь этому обстоятельству.— «Вы думаете, я лгу, потому-что я такая некрасивая? Право, увѣряю васъ, что это правда. Впрочемъ, тамъ всѣ другъ въ друга влюбляются. Иные женятся: каждый годъ чья-нибудь свадьба. А то и такъ... Боже мой, я все глупости говорю! Что вы обо мнѣ подумаете!»"— Философъ поспѣшилъ успокоить незнакомку, пояснивши, „что хотя любовь есть зло и обманъ, но что, во всякомъ случаѣ, любовь неза-

[83]) Ср. выше, письмо отъ 11-го іюля 1873 г.

конная гораздо извинительнѣе любви узаконенной.“ [84]) Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, на бракѣ, въ особенности на бракѣ счастливомъ, держится весь этотъ міръ, осужденный на уничтоженіе.—„Собесѣдница моя, очевидно, не понимала, что я хочу сказать. — «Горе мое въ томъ,»—сказала она, — «что меня за что-то очень многіе любятъ, а мнѣ ужасно тяжело обижать и огорчать кого-нибудь, особенно тѣхъ, кто меня любитъ. Самое ужасное для меня мученіе—въ чемъ-нибудь отказывать. Вообще я хотѣла бы всѣхъ любить и всѣмъ дѣлать все пріятное. Но вѣдь это здѣсь совершенно невозможно. Здѣсь такъ гадко устроено, что всѣ другъ къ другу ревнуютъ, завидуютъ, всѣ другъ другу мѣшаютъ. Полюбишь одного, чтобы не огорчать его,—обижаешь этимъ другого. Это просто ужасъ! Потомъ—у меня мужъ, дѣти. Я рѣшилась никогда не обманывать моего мужа,—правда, онъ немногаго отъ меня и требуетъ. Но бываютъ такіе странные люди, которые ничего не хотятъ понимать и требуютъ невозможнаго, точно маленькія дѣти... Ахъ, я иногда хочу умереть! Только не сейчасъ. Теперь мнѣ весело. Я рада, что съ вами познакомилась.»—Она замолчала на минуту.—«Знаете, я иногда думаю о будущей жизни, и мнѣ представляется, что тамъ будетъ совсѣмъ наоборотъ; никто никому мѣшать не будетъ, и можно будетъ всѣхъ, всѣхъ любить, и никому это не будетъ обидно... Ахъ, я такая глупая, я не могу сказать этого, какъ слѣдуетъ, но, право, я понимаю, какъ это будетъ.»—Она сжала голову обѣими руками и задумалась.“

Но вотъ стало совсѣмъ темно. Французы угомонились, и въ вагонѣ все стихло. Незнакомка и герой разсказа рѣшили, что спать не придется, и что лучше заняться разговоромъ, а для этого нужно устроиться поспокойнѣе.

„Она сняла шляпу и распустила волосы.—Существуютъ въ подлунномъ мірѣ предметы,“ признается герой разсказа, „которые съ ранняго дѣтства оказывали на меня неотразимое дѣйствіе; и въ ту эпоху, которую я теперь вспоминаю, при видѣ этихъ предметовъ, мой пессимизмъ терялъ всю свою силу, и моя аскетическая мораль съ постыдною покорностью опускала свои крылья. Распущенные по плечамъ длинные женскіе волосы всегда принадлежали къ числу этихъ магическихъ предметовъ, а такихъ роскошныхъ волосъ, какіе были теперь пе-

---

[84]) Тутъ герой разсказа, если его отождествлять съ С., впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Ср. выше, письмо С. отъ 11-го іюля 1873 г.: въ отношеніи „дорогой Кати“ имъ допускается, во всякомъ случаѣ, единственно только то соединеніе, которое освящается закономъ и церковью.

редъ моими глазами, я еще никогда не видывалъ. [85]) И чѣмъ больше я на нихъ смотрѣлъ, тѣмъ дальше и дальше уходило отъ моего умственнаго взора различіе между вѣчною сущностью и преходящимъ явленіемъ, тѣмъ ниже и ниже опускались крылья моей самоотрицающейся воли.—Я взялъ густую прядь этихъ свѣтлыхъ душистыхъ волосъ и поднесъ ее къ своимъ губамъ.—Тихая улыбка и молчаніе.—Она опустила руки на колѣни и наклонила голову. Въ этой позѣ съ распущенными волосами она была рѣшительно хороша. Я хотѣлъ сказать ей это, сказать, что люблю ее, но слова не сходили съ языка. Я только наклонился къ ея опущеннымъ рукамъ и сталъ покрывать ихъ поцѣлуями.—«Какой вы странный! Кто вамъ позволилъ?»—Я поднялъ голову, шепча наивное извиненіе за этотъ порывъ, и вдругъ почувствовалъ на своихъ губахъ долгій, беззвучный, горячій поцѣлуй...“ За этимъ слѣдуетъ полторы строки точекъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, на другое утро герой разсказа испытывалъ настроеніе мрачное и угрюмое. „Стыдъ и позоръ! Я—пессимистъ и аскетъ, я—непримиримый врагъ земного начала—безъ боя, безъ малѣйшей попытки сопротивленія—хуже того—съ какою-то радостною готовностью и предупредительностью уступилъ этому земному началу, сразу призналъ его власть и наслаждался своимъ рабствомъ. Я, чуть-ли не съ колыбели познавшій тщету хотѣнія, обманчивость счастья, иллюзію удовольствій, я, три года [86]) работавшій надъ тѣмъ, чтобы эту врожденную мнѣ истину укрѣпить неприступными стѣнами трансцендентальной философіи,—я теперь искалъ и могъ хотя на мгновеніе находить блаженство въ объятіяхъ едва знакомой, но, очевидно, пустой и совершенно необразованной женщины... Никогда еще не подвергался я такому униженію. Конечно, я и прежде нерѣдко цѣловался съ своими кузинами. Но это было совершенно

---

[85]) Среди стихотвореній С. мы не находимъ пѣсъ, посвященныхъ воспѣванію женской тѣлесной красоты. Только въ числѣ переводовъ изъ Гафиза имѣется одно четверостишіе, которое умѣстно напомнить здѣсь.—

XXIX.

Еслибъ вѣдалъ умъ, какъ сладко
Жить сердцамъ въ плѣну кудрей,
Поспѣшилъ бы онъ, конечно,
Самъ съ ума сойти скорѣй.

Стихотворенія Владиміра Соловьева; изданіе 4-ое; стр. 43.

[86]) Лѣтомъ 1872 г. С. былъ наканунѣ вступленія въ четвертый годъ своихъ учебныхъ занятій въ университетѣ.

другое. Во-первыхъ, дѣло не въ поцѣлуяхъ самихъ по себѣ, а въ интенсивности, а также и экстенсивности: а во-вторыхъ, кузины были болѣе или менѣе адептками моего ученія, и поцѣлуи я могъ считать лишь внѣшнимъ выраженіемъ внутреннихъ душевныхъ отношеній. Въ новой же своей знакомой я рѣшительно не усматривалъ никакой способности къ высшему философскому пониманію. И, между-тѣмъ, для нея я могъ измѣнить своей Ольгѣ,—Ольгѣ, которая изнывала въ разлукѣ со мною, которая меня такъ хорошо понимала и должна была пройти со мною рука объ руку тяжелый путь самоотрицанія воли..."

Естественнымъ послѣдствіемъ такого самобичеванія было то, что герой разсказа началъ говорить своей вагонной спутницѣ рѣзкія и колкія вещи. „Увы, и въ этомъ отношеніи я вполнѣ уподобился ветхому Адаму, который, согрѣшивши, оправдывался и сваливалъ вину на слабѣйшую сторону." Julie—такъ звали спутницу — оказалась гораздо великодушнѣе: она проявила тутъ какое-то особое женское чутье, встрѣчала всѣ грубости своего неблагодарнаго „Адама" съ грустною покорностью, ласково улыбалась и отъ души прощала...

„Въ Курскѣ нужно было мѣнять поѣздъ. Для Julie было уже заранѣе взято мѣсто въ первомъ классѣ. Я взялъ билетъ второго класса. Такимъ образомъ, мы разлучились." Оставшись безъ „Евы", недовольный собою „Адамъ" скоро овладѣлъ собою. Новый случайный спутникъ—молодой медикъ—прекрасно занялъ его вниманіе, ибо „онъ былъ радикалъ-натуралистъ, я былъ радикалъ-метафизикъ. Мы говорили и спорили очень горячо и громко", что, впрочемъ, не помѣшало имъ, въ заключеніе, съ чувствомъ пожать другъ другу руку. [87])

Какъ на грѣхъ, въ вагонъ снова вошла Julie. Въ ея купэ свободно, ей скучно сидѣть одной, и она пригласила „радикала-метафизика" къ себѣ, чтобы ѣхать вмѣстѣ до самаго Харькова. Чувство недовольства опять поднялось въ душѣ „Адама", но онъ и на этотъ разъ поддался чарамъ „Евы". Тутъ случилось, однако-же, нѣчто чрезвычайное.

„Утомленіе долгой дороги, непривычныя волненія прошедшей безсонной ночи, наконецъ, горячій напряженный разговоръ о самыхъ

---

[87]) Мы не задаемся въ настоящемъ очеркѣ задачами литературной критики, а потому и не останавливаемся на художественныхъ достоинствахъ разсматриваемой повѣсти. Укажемъ лишь мимоходомъ, что образы, обрисованные въ повѣсти, и въ частности образъ этого „радикала-натуралиста", исполнены такой живости и такой правдивости, которыя сдѣлали бы честь даже присяжному новеллисту.

отвлеченныхъ матеріяхъ, — все это вмѣстѣ, должно-быть, совсѣмъ разстроило мои нервы. Только-что я, пройдя впереди моей дамы, хотѣлъ ступить на вторую чугунную доску между вагонами, какъ вдругъ потерялъ сознаніе. Я очнулся на площадкѣ своего вагона. Потомъ мой новый пріятель, видѣвшій насъ черезъ отворенную дверцу и поспѣшившій на помощь, разсказалъ мнѣ, что я, навѣрное, упалъ бы въ пространство между вагонами и непремѣнно былъ бы раздавленъ поѣздомъ, бывшимъ на всемъ ходу, еслибы не «эта барынька», которая схватила меня за плечи и удержала на площадкѣ.—Это я узналъ потомъ. Тутъ-же, очнувшись, я видѣлъ только яркій солнечный свѣтъ, полосу синяго неба, и въ этомъ свѣтѣ и среди этого неба склонялся надо мною образъ прекрасной женщины, и она смотрѣла на меня чудными знакомыми глазами и шептала мнѣ что-то тихое и нѣжное.—Нѣтъ сомнѣнія, это Julie, это ея глаза, но какъ измѣнилось все остальное! Какимъ розовымъ свѣтомъ горитъ ея лицо, какъ она высока и величественна! Внутри меня совершилось что-то чудесное. Какъ-будто все мое существо со всѣми мыслями, чувствами и стремленіями расплавилось и слилось въ одно безконечное, сладкое, свѣтлое и безстрастное ощущеніе, и въ этомъ ощущеніи, какъ въ чистомъ зеркалѣ, неподвижно отражался одинъ чудный образъ, и я чувствовалъ и зналъ, что въ этомъ одномъ было все. Я любилъ новою, всепоглощающею и безконечною любовью и въ ней впервые ощутилъ всю полноту и смыслъ жизни.—Сначала она заботливо усадила меня на мое прежнее мѣсто. Мой пріятель-медикъ предупредительно уступилъ ей свою половину дивана рядомъ со мною. При первой остановкѣ поѣзда она перевела меня къ себѣ.—Мы были вдвоемъ. Я долго не могъ говорить. Я только смотрѣлъ на нее безумными глазами и цѣловалъ край ея платья, цѣловалъ ея ноги. Она тоже ничего не говорила и только прикладывала мнѣ къ головѣ платокъ, намоченный одеколономъ. Наконецъ, безсвязнымъ отрывочнымъ шепотомъ я сталъ передавать ей, что дѣлалось со мною, какъ я ее люблю, что она для меня все, что эта любовь меня возродила, что это совсѣмъ другая, новая любовь, въ которой я совершенно забываю себя, что теперь только я понялъ, что есть Богъ въ человѣкѣ, что есть добро и истинная радость въ жизни, что ея цѣль не въ холодномъ, мертвомъ отрицаніи...[88])—Она слушала съ ясными гла-

[88]) „Чувство любви къ женщинѣ было хорошо и близко ему [т. е. С.] знакомо. Оно играло огромную роль въ его душевномъ настроеніи и творчествѣ. Въ теченіе

зами и счастливой улыбкой. Переворотъ, который во мнѣ совершился, ее радовалъ, но, повидимому, не удивлялъ. Она меня ни о чемъ не разспрашивала. Какъ прежде она тихо и безмятежно перенесла мою обиду, такъ и теперь тихо и безмятежно переносила она мое обожаніе.—Когда я нѣсколько пришелъ въ себя, она стала говорить такъ просто и спокойно. Я полюбился ей съ перваго взгляда, и она счастлива, что я люблю ее теперь такою хорошею любовью. Она увѣрена, что между нами могутъ быть настоящія хорошія отношенія. Мы должны встрѣтиться въ Москвѣ. Она познакомитъ меня съ своимъ мужемъ.—«А въ Крымъ вы лучше не ѣздите. Я такая безхарактерная. Тамъ мнѣ будетъ страшно и за себя, и за васъ.»—Я сказалъ, что буду дѣлать все, что она желаетъ."

Какимъ прекраснымъ и глубокимъ лиризмомъ проникнутъ этотъ отрывокъ, достойный стоять рядомъ съ наиболѣе удачными стихотворными произведеніями С. и съ наиболѣе проникновенными его теоретическими разсужденіями! Прочитавши хотя-бы разъ приведенныя здѣсь строки, уже врядъ-ли скоро забудешь про этотъ яркій солнечный свѣтъ, про эту полосу синяго неба, про этотъ образъ прекрасной женщины, склоненный—въ этомъ свѣтѣ и среди этого неба—къ спасенному отъ гибели. А затѣмъ, сколько захватывающей силы въ словахъ объ одномъ безконечномъ, сладкомъ, свѣтломъ и—безстрастномъ ощущеніи, въ которомъ отражался этотъ единый чудный образъ—„и я чувствовалъ и зналъ, что въ этомъ одномъ было все"! Сколько ни перечитывать письма С. къ „дорогой Катѣ", нигдѣ такого душевнаго взмаха не найдешь. И нельзя не призадуматься надъ тѣмъ, что этой жемчужиной мы обязаны женщинѣ, которая такъ наивно, а для иныхъ, пожалуй, и соблазнительно, горевала о томъ, что нельзя любить всѣхъ, всѣхъ...

Въ Харьковѣ „Адамъ" и „Ева" распрощались. „Ночь была темна, никто не обращалъ на насъ вниманія. Развѣ какая-нибудь сантиментальная звѣздочка пожалѣла обо мнѣ, замѣтивъ сверху, какъ обильныя горячія слезы текли изъ моихъ глазъ на эти милыя нѣжныя руки."

Свиданіе съ Ольгой произошло не совсѣмъ такъ, какъ мерещи-

своей жизни онъ былъ влюбленъ много разъ, горячо и страстно. Однако, это чувство не могло его приковать: ибо и здѣсь элементъ универсальный преобладалъ надъ личнымъ, индивидуальнымъ. Черта эта заслуживаетъ съ нашей стороны особаго вниманія въ виду ея огромнаго значенія для міросозерцанія покойнаго философа." Кн. Евгеній Трубецкой (прим. 8), т. I-ый, стр. 30; ср. также. стр. 14.

лось задолго герою разсказа, да и не совсѣмъ съ тѣми чувствами явился онъ къ ней, какія онъ вывезъ изъ Москвы. Впрочемъ, правдивый авторъ безпристрастно замѣчаетъ: „Моя душа была полна Julie до тѣхъ поръ, пока я не заснулъ [въ харьковской гостиницѣ]; на другой день вся моя встрѣча представлялась мнѣ какъ что-то совершенно фантастичное и ужасно далекое. Что-то было мною пережито, гдѣ-то въ самомъ глубокомъ уголкѣ моей души я чувствовалъ что-то новое, небывалое; но оно еще не слилось съ моею настоящею жизнью. Я зналъ, что все прежнее еще должно продолжаться и идти своимъ чередомъ, какъ-будто совсѣмъ ничего не случилось. Да и что такое случилось въ самомъ дѣлѣ? Субъективная экзальтація и больше ничего!“ — Или „минутное увлеченіе“? — спросимъ мы словами переписки...[89]).

Въ Ольгѣ герой нашъ открылъ большую перемѣну. „Она была вовсе не похожа на ту нѣжную, полувоздушную дѣвочку, которая осталась въ моей памяти отъ нашего послѣдняго свиданія въ деревнѣ, когда она выходила изъ купальни въ голубомъ ситцевомъ платьѣ и съ небрежно закинутою на спину темною косою. Теперь это была взрослая и нарядная дѣвица съ развязными манерами. Она такъ смѣло и пристально смотрѣла на меня своими черными, немного покраснѣвшими отъ солнца и вѣтра глазами[90]), въ ней было что-то рѣшительное и самостоятельное...“

Нѣтъ нужды разбирать, насколько образъ Ольги, зарисованный въ этомъ случаѣ разсказчикомъ, соотвѣтствовалъ подлинной дѣйствительности. Достаточно, что именно такимъ онъ ему припоминался. Не будемъ разбирать и того, не сведены-ли здѣсь воедино черты, которыя отвѣчали не дѣйствительности, а лишь плану разсказа. Достаточно, что отмѣчены именно эти черты... Подчеркнемъ здѣсь-же мимоходомъ, что и въ Ольгѣ-дѣвочкѣ герой разсказа, такъ цѣнившій сходство ея взглядовъ со своими взглядами, не забылъ все-таки про „небрежно закинутую на спину темную косу“.

Объясненія съ Ольгой въ Харьковѣ вышли довольно немногословными. „Я говорилъ кратко и неубѣдительно. Я самъ чувствовалъ, что повторяю какой-то заученный урокъ; каждое слово раздавалось въ моихъ ушахъ какъ что-то чужое и совершенно неинтересное. Правду сказать, это были вполнѣ деревянныя слова. — Она

---

[89]) Ср. выше, письмо отъ 26-го августа 1873 г.

[90]) Ольга только-что вернулась съ прогулки за городъ.

слушала съ задумчивымъ видомъ, облокотясь на столъ."—О „развязныхъ манерахъ" тутъ нѣтъ и помину...—„Когда я кончилъ свою рѣчь неизбѣжнымъ приглашеніемъ идти со мною вмѣстѣ по пути самоотрицанія воли, она еще долго смотрѣла вдаль неподвижными глазами, потомъ вдругъ опустила руку, подняла голову и, остановивъ на мнѣ пристальный взглядъ, произнесла спокойнымъ и твердымъ голосомъ:—«Я не хочу тебя обманывать. Я ошиблась въ своемъ чувствѣ. Ты слишкомъ уменъ и идеаленъ для меня, и я недостаточно тебя люблю, чтобы раздѣлять твои взгляды и навсегда связать свою жизнь съ твоею. Вотъ ты отвергаешь всякое удовольствіе, а я одни только удовольствія и понимаю. Я буду всегда любить тебя, какъ родного. Будемъ друзьями.»"

Отвѣтъ на „деревянныя слова" вполнѣ правильный и цѣлесообразный, хотя авторъ разсказа подобной оговорки и не дѣлаетъ. Если можно отрицать „всякое удовольствіе", то можно вѣдь и утверждать „одни только удовольствія". Какъ аукнется, такъ и откликнется. И кто знаетъ? герой разсказа, высказывая внѣшнимъ образомъ извѣстныя мысли, стоялъ, въ сущности, уже на другой почвѣ; не зарождался-ли нѣкоторый переворотъ и въ душѣ Ольги, когда она долго смотрѣла вдаль неподвижными глазами и собиралась отстаивать внѣшнимъ образомъ свое наличное пониманіе жизни?

Въ тотъ-же вечеръ герой разсказа уѣхалъ изъ Харькова. „Это былъ мой послѣдній опытъ обращенія молодыхъ дѣвицъ на путь самоотрицанія воли", прибавляетъ онъ. „Четыре года послѣ того я встрѣтился съ Julie въ Италіи, на Ривьерѣ; но это была такая встрѣча, о которой можно разсказывать только любителямъ въ ночь подъ Рождество."

Намека на разгадку этой послѣдней загадки въ разсказѣ: *На зарѣ туманной юности...* не содержится. Вообще отдѣлять „Wahrheit" отъ „Dichtung" въ произведеніяхъ подобнаго рода въ состояніи только сами авторы, да и то не всегда. Но если дѣйствіе разсказа относится, въ самомъ дѣлѣ, къ веснѣ 1872 г. и имѣетъ автобіографическую основу, то ближайшимъ срокомъ для вторичнаго появленія „Julie" въ жизни С. должно бы считать весну 1876 г. Въ это время С. былъ въ Италіи, на пути изъ Каира въ Парижъ. Въ письмѣ изъ Сорренто отъ 20-го апрѣля 1876 г. на имя кн. Д. П. Цертелева С. сообщаетъ: „Могу написать тебѣ только нѣсколько словъ: рука болитъ. Возвращаясь съ Везувія, я искалѣчился, и, можетъ-быть, останусь калѣкой на всю жизнь. Нахожусь въ состоя-

ніи плачевномъ и намѣреній никакихъ не имѣю.“ [91]) Черезъ недѣлю, 27-го числа, онъ пишетъ изъ Сорренто ему-же: „Рана моя (я упалъ вмѣстѣ съ лошадью, скача подъ гору, и ударился колѣномъ объ острый камень, вслѣдствіе чего образовалась довольно глубокая рана) совершенно заживаетъ, и рукой также могу дѣйствовать, и на-дняхъ отправляюсь въ Парижъ.—Послѣ своего паденія я пролежалъ недѣлю въ Неаполѣ, гдѣ меня лѣчилъ хорошій нѣмецкій докторъ, а потомъ въ Сорренто два русскіе.“ [92]) Немного позднѣе, 16-го (28-го) мая, уже будучи въ Парижѣ, С. касается этого приключенія и въ письмѣ къ отцу [93]): „Вы интересуетесь подробностями моего паденія, разскажу по возвращеніи; впрочемъ, я, кажется, писалъ вамъ объ этомъ изъ Генуи, не знаю, получили-ли вы это письмо [письмо, повидимому, не сохранилось]. Тамъ-же сообщалъ вамъ о двухъ дамахъ, принимавшихъ во мнѣ участіе, именно m-me A. и m-lle T.“ [94]) О „двухъ добродѣтельныхъ дамахъ“, оказывавшихъ ему помощь, С. упоминаетъ около того-же времени и въ шутливомъ „соборномъ посланіи“ на имя „Вѣры, Нади, Любы, Анны Кузьминишны, Маши и Сены“—членовъ его семьи. [95]) Повидимому, той-же г-жѣ А., о которой идетъ рѣчь въ письмѣ къ отцу отъ 16-го (28-го) мая 1876 г., посвящены и двѣ лирическія пьесы С., вошедшія въ составъ сборника его стихотвореній. Одна изъ этихъ пьесъ: *Этотъ матово-свѣтлый жемчужный просторъ...* помѣчена октябремъ 1894 г., а другая: *Лишь только тѣнь живыхъ, мелькнувши, исчезаетъ...*—апрѣлемъ 1895 г. [96])

Конечно, мы не считаемъ себя въ-правѣ идти слишкомъ далеко въ этихъ сопоставленіяхъ и вовсе не стремимся къ безусловно точнымъ отождествленіямъ. Но не любопытно-ли, что въ 1876 г., въ Италіи, на Ривьерѣ, С. пришлось подвергнуться довольно тяжелой опасности, напоминающей ту, которая—по предположенію, въ 1872 г., т. е. четыре года тому назадъ—угрожала герою разсказа: *На зарѣ туманной юности...* на пути въ Харьковъ, и что въ обоихъ случаяхъ дѣло не обошлось безъ женской помощи? Ужъ не это-ли приключеніе близъ Везувія имѣлъ въ виду С., когда заканчивалъ свой

---

[91]) *Письма* и т. д. (прим. 1), т. II-ой, стр. 231.
[92]) *Ibidem*, стр. 232.
[93]) *Ibidem*, стр. 28.
[94]) Ср. прим. 33-е.
[95]) *Письма* и т. д. (прим. 1), т. II-ой, стр. 26.
[96]) *Стихотворенія* (прим. 85), стр. 111 и 127.

только-что названный разсказъ, и не было-ли у него намѣренія связать вагонное происшествіе на пути въ Харьковъ съ какимъ-то болѣе поздним ъ эпизодомъ въ его жизни, казавшимся ему значительнымъ?

Приведемъ здѣсь-же и еще два обстоятельства, которыя желательно связать съ юношескимъ романомъ С. Какъ извѣстно, въ іюнѣ 1877 г. С. отправился въ дѣйствующую армію въ качествѣ газетнаго корреспондента, по соглашенію съ М. Н. Катковымъ. Пробылъ онъ въ несвойственной ему роли, впрочемъ, очень недолго. Къ этому времени относится, между прочимъ, письмо его на имя матери изъ Букурешта отъ 28-го іюля. „По дорогѣ изъ Яссъ въ Букурештъ“, пишетъ С., „я встрѣтилъ Катю и ѣхалъ съ ней вмѣстѣ нѣсколько часовъ. Онѣ уже второй мѣсяцъ сидятъ безъ всякаго дѣла и не видѣли еще ни одного раненаго.“ [97]) Не есть-ли эта „Катя“—„дорогая Катя“ его переписки съ Е. В. и не встрѣчается-ли она теперь съ своимъ кузеномъ облеченною въ одѣяніе сестры милосердія? И гдѣ пребывала въ эту пору „Ольга“, понимавшая якобы „одни только удовольствія“?... А позднѣе, уже въ 1880 г., С. сообщаетъ матери и такую новинку: „Видѣлъ и Катю съ женихомъ“... [98]) Если и тутъ передъ нами то-же самое лицо, то остается только выразить надежду, что послѣдующая брачная жизнь этого лица вполнѣ оправдала слова С. про „божественную искру“, которая „погаснуть не можетъ“. [99])

Воспроизводя въ этой главѣ существенныя подробности изъ разсказа: *На зарѣ туманной юности...*, мы имѣли главною цѣлью выяснить, какъ относился С. къ своему юношескому роману въ годы зрѣлости, черезъ двадцать лѣтъ послѣ кульминаціоннаго пункта соотвѣтствующихъ событій. Если вѣрна наша догадка, приписывающая этому разсказу автобіографическое значеніе, то мы, безъ сомнѣнія, въ-правѣ признать совершенно умѣстными и тѣ комментаріи, которыми мы обставили выдержки изъ его переписки съ Е. В. Въ душѣ С. боролись два теченія—одно болѣе раннее, другое болѣе позднее. Возобладало, въ концѣ концовъ, второе, хотя онъ долго упорствовалъ, отстаивая первое.

Кого винить въ происшедшемъ разрывѣ,—спрашивать безполезно. Винить некого, да и вообще дѣло здѣсь не въ обвиненіяхъ и не въ оправданіяхъ...

---

[97]) *Письма* и т. д. (прим. 1), т. II-ой, стр. 30.

[98]) *Ibidem*, стр. 34.

[99]) См. выше, письмо отъ 6-го августа 1872 г.

Много лѣтъ спустя послѣ поѣздки въ Харьковъ къ „дорогой Катѣ“ и послѣ пребыванія „калѣкой“ въ Сорренто, уже незадолго до своей смерти, въ 1900 г., С. помянулъ въ своихъ извѣстныхъ *Трехъ характеристикахъ* [100]) одного изъ своихъ учителей, профессора Московскаго университета П. Д. Юркевича, каѳедру котораго онъ занялъ на короткое время въ 1874 г. С. разсказываетъ въ шутливой формѣ о томъ, какъ П. Д. Юркевичъ, во дни ранней юности, уклонился отъ выгодной женитьбы на красивой поповнѣ и предпочелъ отправиться пѣшкомъ изъ полтавщины въ Кіевъ для поступленія въ духовную академію. Впослѣдствіи, въ бытность профессоромъ Московскаго университета, П. Д. Юркевичъ нерѣдко бесѣдовалъ съ С., и, хотя былъ въ эту пору уже женатъ, все-таки очень высоко цѣнилъ аскетизмъ и оправдывалъ себя тѣмъ, что „честный бракъ есть самая трудная форма аскетизма и даже мученичества.“ „Вы, конечно,— говорилъ онъ, — по молодости думаете, что главное дѣло здѣсь въ любовномъ паоосѣ; но я вамъ скажу, что это просто чепуха—розовый листокъ, брошенный на... чувственность; а настоящее дѣло только въ одномъ постоянномъ подвигѣ взаимнаго самоотверженія, и особенно важно то, что истинный героизмъ сведенъ здѣсь къ самому простѣйшему элементарному выраженію и достигается обыкновеннѣйшимъ повседневнымъ способомъ дѣйствія; такъ-что достаточно быть просто честнымъ человѣкомъ, или просто не быть подлецомъ, чтобы уже тѣмъ самымъ взойти на вершину христіанскаго подвижничества и мученичества. Вотъ почему и церковь при всякомъ вѣнчаніи поетъ о вѣнцахъ мученическихъ.“ [101]) Такія внушенія выслушивалъ С. отъ П. Д. Юркевича въ то время, когда близился къ формальной развязкѣ его романъ съ Е. В.; отголоски подобныхъ сужденій слышатся, какъ мы знаемъ, и въ его письмахъ къ кузинѣ, при томъ довольно часто: бракъ, какъ подвигъ, не отметается... Поучительно, однако-же, что въ 1900 г., изложивши взглядъ П. Д. Юркевича на бракъ, С. заключаетъ отъ себя такъ: „Можно замѣтить, что взглядъ Юркевича, быть можетъ и справедливый, не даетъ, однако, достаточнаго основанія для намѣреннаго вступленія въ бракъ, такъ-какъ здравая христіанская этика никогда не дозволяла человѣку самому напрашиваться на подвигъ и вѣнецъ мученичества.“

„Намѣренное вступленіе въ бракъ“... А возможно-ли вступленіе

---

[100]) *Собраніе сочиненій*; изданіе 1-ое, т. VIII-ой, стр. 414—431.

[101]) *L. c.*, стр. 428, 429.

„ненамѣренное“?... Теперь уже поздно оспаривать С. на этомъ пунктѣ. Тѣмъ не менѣе едва-ли не правы тѣ, кто полагаетъ, что *намѣренное уклоненіе* отъ „самой трудной формы аскетизма и мученичества“ оплачивается зачастую очень дорогою цѣною. И невольно задаешься также вопросомъ: дано-ли было С. познать не въ мимолетныхъ грезахъ, а на самомъ дѣлѣ ту „совсѣмъ другую, новую любовь“, которая мелькнула передъ нимъ на зарѣ его юныхъ дней, въ лучахъ яркаго солнечнаго свѣта, среди бездоннаго синяго неба?...